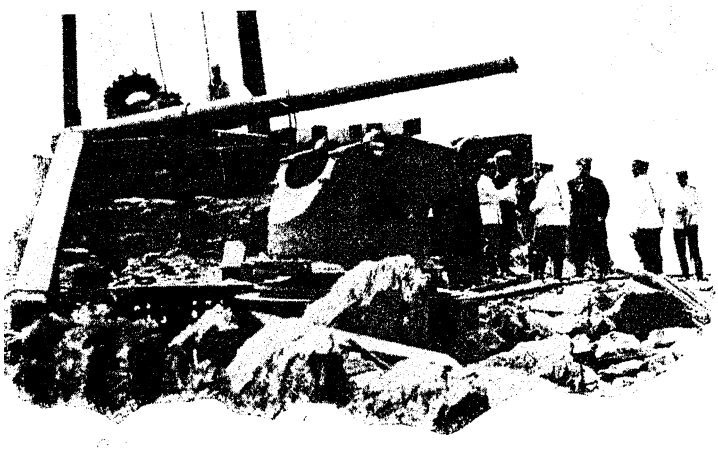


В. П. Руадзе.

Моимъ врагамъ

(Отповѣдь генерала А. М. Стесселя).

Изданіе Е. К.

МАЛЕНЬКІЯ ПИСЬМА.

2 Осталъ 1907

DCCXXV.

Пронзительный скрипъ стесселевскаго процеса не заставляетъ ли васъ вздрагивать? Это скрипучее колесо движется по ямамъ и рытвинамъ, чтобъ упасть въ проклятую пропасть прошлаго, которая не скоро засыплется — такъ она глубока. Ужъ обвинительный актъ, сложный, мало приведенный въ систему, мало освѣщенный единою руководящею мыслью, но полный фактовъ, то возмущающихъ душу, то жалкихъ и трусливыхъ, то преступныхъ по одному своему равнодушію и халатности, уже этотъ актъ есть скрипучее колесо, наполняющее своимъ противнымъ визгомъ всю русскую атмосферу. Его нельзя читать безъ трепета негодованія, близкаго къ отчаянію. Такъ вотъ они, эти герои, эти военачальники. Мое почтеніе. Какъ изволите поживать?..—Слава Богу. Мы чувствуемъ себя превосходно.—Ничего нѣтъ лучше, если слава Богу. Но слава ли вамъ, слава ли русскому имени?

Процесъ этотъ былъ страшно нуженъ. Онъ гораздо нужнѣе процеса тѣхъ адмираловъ, которые сидятъ въ Петропавловской крѣпости и съ усердіемъ занимаются огородничествомъ. Они вѣроятно и рождены были огородниками, а въ адмиралы попали по тому недоразумѣнію, которымъ полна русская жизнь. Была очень симпатичная русская актриса, Е. П. Струйская. Играя въ пьесѣ «Сумасшествіе отъ любви» испанскую королеву, она однажды оговаривалась и сказала вмѣсто «я умирала, адмиралъ»—«я адмирала, генералъ». Наши адмирали могли бы сказать про себя: «Мы адмирали, но не умирали». Ихъ мѣсто, поэтому, въ огородникахъ.

Процесъ Стеселя развертываетъ одну изъ самыхъ ужасныхъ книгъ прошлой войны, подорвавшей нашу военную славу. Для Россіи—это была трагедія, для Европы—комедія и даже фарсъ. Сдача Портъ-Артура—это фарсъ для хохочущей надъ нами Европы. Пусть же этотъ фарсъ будетъ раскрытъ во всемъ своемъ объемѣ и пусть каждый получитъ въ общественномъ мнѣніи все то, чего онъ заслуживаетъ. Ужъ по битвѣ при Киньчжоу, которая проходитъ теперь передъ судомъ, видна общая растерянность и—смѣю сказать—глупость. Слово «растерянность» слишкомъ мягкое слово для обозначенія того, что дѣлалось. Слово «глупость» выражаетъ лучше ту самонадѣянность, безтолковость и бездарность, которыя воплотились на полѣ битвы въ видѣ вороны, и эта ворона каркала что-то такое, отчего падали люди 5-го полка и Японцы выигрывали битву. Одинъ полкъ сражался, да «Бобръ» принялъ нѣкоторое участіе, все остальное смотрѣло и зѣвало, потому что никто не могъ разобрать, что такое ворона каркаетъ. Можетъ она въ это время цыпленка уплетала и потому даже не каркала.

Нельзя спокойно говорить объ этомъ прошломъ. Пусть оно еще разъ явится. Пусть оно проскрипитъ и разбудитъ спящихъ и самодовольныхъ. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ эпизодовъ не только войны, но и нашей революціи. Это былъ клочекъ того краснаго знамени, которое потомъ развѣвалось по всей Россіи и собирало около всѣхъ недовольныхъ, обиженныхъ и огорченныхъ. Сданный Портъ-Артуръ кричалъ во всѣхъ сердцахъ такимъ болѣзненнымъ крикомъ, что терзалъ всю Россію, какъ предчувствіе смерти...

Пусть судъ явится на высотѣ своего призванія и той справедливости, которая караетъ не только преступленіе, но и губительную, самодовольную глупость, которая не даетъ хода умнымъ.

Сейчасъ я прочелъ въ корректурѣ фельетонъ М. О. Меньшикова. Онъ между прочимъ говоритъ о талантахъ. Ихъ нѣтъ, потому что нѣтъ у насъ единодушія. Можетъ, онъ правъ. Нѣсколько дней назадъ въ «Новомъ Врем.» я прочелъ слѣдующія строки:

«Нужно прежде всего выработать парламентскую волю. Главный порокъ нашихъ парламентскихъ партій заключается въ безволіи».

Это сказалъ А. А. Пиленко. Образуйте волю, и дѣло въ шляпѣ. И это не только справедливо, но это почти аксіома. Но вся бѣда кажется въ томъ, что весь-то русскій организмъ страдаетъ безволіемъ. Была бы въ немъ воля, не то было бы. Поэтому создать ее необходимо. Но прежде всего спросимъ, что такое воля?

То, что называется въ данномъ случаѣ «волей», есть въ сущности талантъ. Талантъ самъ по себѣ есть высшая воля, потому что онъ заставляетъ себя уважать, себѣ удивляться и себѣ подчиняться. Это особенная способность, которою обладаютъ немногіе. Талантъ собираетъ около себя и чѣмъ онъ больше, тѣмъ охотнѣе къ нему идутъ. Среди порядочныхъ людей онъ не возбуждаетъ къ себѣ зависти. Онъ возбуждаетъ соревнованіе, вызываетъ энергію и порождаетъ другіе таланты, которые, можетъ быть, еще спятъ, потому что никто ихъ не зоветъ, никто не будитъ, или зовъ раздается такой, что онъ не внушаетъ къ себѣ довѣрія и любви. И толпа любитъ талантъ и обыкновенно быстро его чувствуетъ. Талантъ управляетъ самой своей сущностью, своей находчивостью, тѣмъ новымъ и свѣжимъ, чѣмъ онъ сразу поражаетъ другихъ и заставляетъ къ себѣ присматриваться и прислушиваться. Около него сейчасъ же образуется группа, сейчасъ же являются тѣ чуткіе люди, которые хорошо понимаютъ, что явилась какая-то «воля», которая къ себѣ тянетъ, собой очаровываетъ, возбуждаетъ мысли и чувства. Это «воля» не приказательная, не воля насилія и воля силы, а воля подчиняющая себѣ добровольно и влекущая къ себѣ. Это большой писатель, большой художникъ, большой ученый, геніальный актеръ, чудесный пѣвецъ, очаровательная, умная женщина, собирающая вокругъ себя выдающихся людей. Это большой парламентскій ораторъ, большой политикъ, геніальный полководецъ. Всѣ эти люди—прежде всего «воля», то-есть они внушаютъ другимъ содержаніе своей талантливой личности, гипнотизируютъ ихъ силою своего «я».

У насъ нѣтъ талантовъ, можетъ быть, потому, что не воспитывается воля. А воля не воспитывается потому, что ей негдѣ воспитываться. Страдая безволіемъ въ особенности на политическомъ поприщѣ, мы не видимъ и талантовъ въ особенности на томъ поприщѣ.

А. Суворинъ.

Дрезд 96

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Минувшая японская война не дала намъ ни одной побѣды.

Въ общемъ стихійномъ, систематическомъ отступленіи нашихъ войскъ недвижной, героической твердыней 11 мѣсяцевъ возвышался Портъ-Артуръ. Всѣ надежды Родины сосредоточились на осажденной крѣпости.

Имена генераловъ Стесселя и Кондратенко произносились съ благоговѣніемъ.

Тѣмъ ощутительнѣе былъ ударъ для народнаго самолюбія, когда вѣсть о паденіи Артура достигла Россіи и, тѣмъ не менѣе, Родина, сознавая всѣ нечеловѣческія усилія, которыя прилóжилъ Портъ-Артурскій гарнизонъ въ борьбѣ съ врагомъ, встрѣтила его главу ласково и привѣтливо, встрѣтила, какъ мать встрѣчаетъ своего несчастнаго сына.

Но постепенно, подъ вліяніемъ умѣло и ловко веденной въ печати кампаніи, начатой въ ино-

странной прессѣ, инспирируемой нѣкоторыми героями тыла, и охотно подхваченной нашей печатью, общество стало проявлять недоброжелательство къ генералу Стесселю.

Начало этой кампаніи было заложено еще въ Артурѣ.

Разбираясь въ П.-Артурской драмѣ, мнѣ неизбѣжно рисуется слѣдующая картина: съ одной стороны ген. Стессель, руководящій обороной Артура, по силѣ вложенныхъ въ него дарованій, съ другой стороны, бездѣятельный ген. Смирновъ, спокойно подмѣчающій всѣ промахи и ошибки ген. Стесселя и съ плохо скрытымъ злорадствомъ составляющій свой знаменитый обвинительный докладъ.

Почему тогда же властно не прозвучалъ его голосъ? Почему тогда же онъ не потребовалъ отстраненія „бездарнаго“ и „дѣйствующаго незаконно“ начальника, а спокойно выжидалъ, чѣмъ окончится кровавая Портъ-Артурская драма? А онъ могъ это сдѣлать.

Весь докладъ генерала Смирнова въ сущности есть ничто иное, какъ самообвиненіе. Если генералъ Стессель, допустимъ, и совершилъ цѣлый рядъ непоправимыхъ ошибокъ, печальнымъ слѣдствіемъ которыхъ была преждевременная сдача, то само собой разумѣется, онъ допустилъ ихъ совершенно безсознательно, а генералъ Смирновъ, якобы хорошо понимавшій все ихъ ро-

ковое значеніе, не пытаясь предотвратить ихъ. дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, наоборотъ, совершенно сознательно.

Изъ этого очевидно, кто является лицомъ болѣе отвѣтственнымъ передъ Родиной и кто изъ нихъ заслуживаетъ болѣе тяжкаго наказанія.

Докладъ генерала Смирнова—это источникъ, изъ котораго, какъ изъ бочки Данаидъ, черпали обвиненія враждебные генералу Стесселю литераторы, а такъ же къ сожалѣнію, и комиссія почтенныхъ генераловъ.

Все было бы терпимо, если бы „обвинители" генерала Стесселя ограничились критикой его дѣятельности, какъ военачальника. Но нѣтъ, въ порывѣ „построчной" любви къ Родинѣ они не пощадили ни его имени, ни его чести, они не постѣснялись лживо намекнуть, что генералъ Стессель является корыстолюбивѣйшимъ изъ людей, распустить слухи о его баснословныхъ богатствахъ.

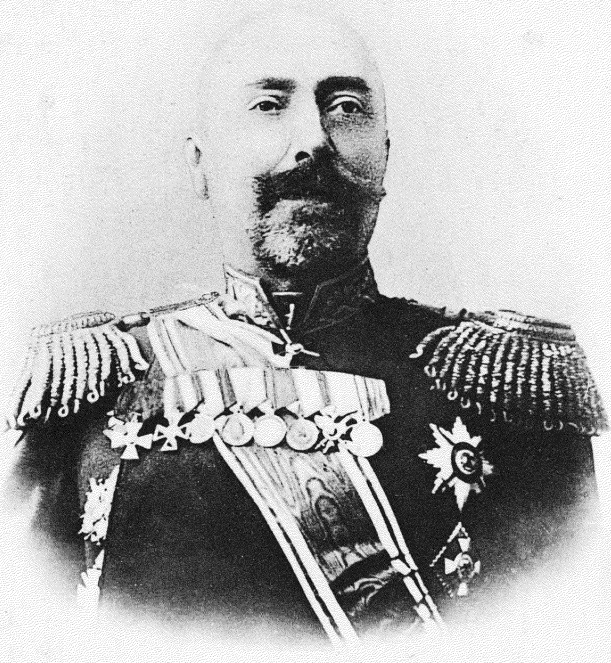
Не скрою, что они успѣли въ своей клеветѣ и въ Россіи нѣтъ, кажется, такого дома, гдѣ бы эти нелѣпыя сказки не признавались непреложной истиной.

И ни одинъ голосъ не поднялся въ защиту генерала Стесселя! Не какъ военачальника,—нѣтъ,—съ генерала Стесселя достаточно такихъ талантливыхъ защитниковъ, какъ О. А. Сыртлановъ и полковникъ Вельяминовъ,—а ни одинъ автори-

тетный голосъ не поднялся, чтобы указать на всю неприглядность такой жестокой, отвратительной травли человѣка, ожидающаго суда, суда, который можетъ закончиться смертнымъ приговоромъ.

Движимый исключительно чувствомъ справедливости, въ интересахъ истины, я обратился къ генералу Стесселю съ предложеніемъ высказаться при моемъ посредствѣ передъ русскимъ обществомъ.

В. Руадзе.



А. М. Стессель
Генералъ-комендантъ Портъ-Артура.

Отповѣдь генерала Стесселя.

До сихъ поръ, въ теченіе двухъ съ половиною лѣтъ, несмотря на тяжелыя и незаслуженныя мною оскорбленія, я хранилъ упорное молчаніе.

Сначала потому, что былъ „обязанъ“ молчать, а затѣмъ съ привлеченіемъ меня къ суду—въ ожиданіи справедливаго разбора дѣла.

Но неотступныя просьбы лицъ, близко знавшихъ меня и болѣющихъ за меня душой, а главнымъ образомъ косвенное оскорбленіе доблестнаго гарнизона, „не помѣшавшаго преступить сдачѣ“, побудили меня отвѣтить моимъ обвинителямъ.

Передо мною два обвинительныхъ акта: одинъ оффиціальный, другой сплетенный нечистыми руками подлыхъ клеветниковъ. Все, что не нашло себѣ мѣста въ оффиціальномъ актѣ, то расцвѣло пышнымъ, клеветническимъ цвѣткомъ въ „Правдѣ о Портъ-Артурѣ“, въ фельетонахъ Купчинскаго и К°.

Канвою для всѣхъ обвиненій, какъ 1-го обвинительнаго акта, такъ въ особенности 2-го, служитъ докладъ Портъ-Артурскаго Коменданта генерала Смирнова, который вмѣсто того, чтобы выполнить свой прямой долгъ, т. е. въ совмѣстной и дружной работѣ соединиться со мной въ отвѣтственномъ дѣлѣ обороны крѣпости, вложилъ весь свой талантъ (о таковой у него имѣется) въ составленіе искаріотскаго доклада, сотканнаго изъ подтасовокъ и искаженій фактовъ.

Никогда не бывшій въ бою, генералъ Смирновъ получилъ назначеніе Коменданта неожиданно для всѣхъ, кто его зналъ.

Пріѣхалъ онъ въ Портъ-Артуръ въ полномъ убѣжденіи, что война пустяшная, что японцы зарвались, и что всѣ лавры и награды за усмиреніе ихъ достанутся конечно ему.

Но едва онъ пріѣхалъ въ Портъ-Артуръ, какъ былъ полученъ приказъ Намѣстника о томъ, что онъ оставляетъ меня въ крѣпости и мнѣ согласно Высочайшему повелѣнію были предоставлены права Командира Отдѣльнаго Корпуса, т. е. Командующаго арміей, а генералу Смирнову права Командира не отдѣльнаго Корпуса съ подчиненіемъ его мнѣ.

Это былъ страшный ударъ для его честолюбивыхъ замысловъ и генералъ Смирновъ рѣшился, посколько это позволятъ обстоятельства, противодѣйствовать мнѣ и добиваться моего отозванія.

Отсюда пошла рознь и непримиримое отношеніе генерала Смирнова ко мнѣ и къ ближайшимъ моимъ помощникамъ.

Губительная рознь!.. Такъ какъ мы переживали

Ген.-Лейт К. Н. СМИРНОВЪ.
(Коменд. крѣп. Портъ-Артуръ).

страшные дни не въ неприступной твердынѣ, а въ плохо укрѣпленной крѣпости и, только когда крѣпость была сдана, всѣмъ стало извѣстно, до какой степени мало укрѣплена была эта „твердыня“ наша на Дальнемъ Востокѣ.

Тогда раздались голоса—„почему же Стессель не доносилъ въ Петербургъ о полной неготовности крѣпости?—онъ былъ комендантомъ Портъ-Артура и вся вина должна пасть на него, какъ за сдачу, такъ и за неготовность крѣпости“. Общество негодовало и совершенно справедливо, а я молчалъ въ ожиданіи, что Военное Министерство сниметъ съ меня незаслуженные укоры. Но ждалъ напрасно до сего дня. *Пусть же узнаютъ правду теперь. Я, генералъ Стессель, былъ до войны комендантомъ не крѣпости Портъ-Артура, а города,—артиллеристы, инженеры, интенданты были мнѣ не подчинены. Я вѣдалъ лишь бригадою и больше ничѣмъ. Моимъ единственнымъ исполнительнымъ органомъ былъ Комендантскій Адъютантъ.* Лишь въ февралѣ 1904 г., когда началась война, мнѣ подчинили инженеровъ, артиллеристовъ и интендантовъ, и я принялъ крѣпость по названію, а по существу *крѣпость по типу строющихся противъ народцевъ, вооруженныхъ копьями и стрѣлами*, т. к. разстояніе, на которое были удалены форты отъ жизненныхъ мѣстъ крѣпости (казармъ, госпиталей, складовъ и т. п.) и которое должно быть во всякомъ случаѣ не менѣе дальности полета снаряда самыхъ сильныхъ метательныхъ орудій противника, въ Артурѣ равнялось въ среднемъ 1 1/2 версты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было менѣе 1 версты.

Укрѣпляли его инженеры по планамъ изъ

Петербурга (своего рода гофгерихсратъ) а въ Петербургѣ межвѣдомственная комиссія, которой поручено было это дѣло, надумалась построить линію укрѣпленій въ зависимости не отъ мѣстности и дальности пушечнаго огня, а отъ заранѣе предрѣшеннаго числа штыковъ гарнизона, считая на сажень периметра крѣпости по одному человѣку. Профессоръ Величко, сотавлявшій первоначальный, непринятый комиссіей за дороговизну, проектъ крѣпости самъ кратко и сжато обрисовалъ исторію созиданія крѣпостей. До изобрѣтенія пороха замокъ былъ крѣпостью;—появился порохъ, обнесли замокъ валомъ; появленіе нарѣзныхъ орудій вызвало постройку фортовъ на 3—4 версты отъ главной ограды,—съ увеличеніемъ же дальности огня, съ введеніемъ прогрессивной нарѣзки въ каналѣ орудія и примѣненіемъ новыхъ взрывчатыхъ веществъ, лиддита, напримѣръ, стали строить двѣ линіи фортовъ, относя первую линію на 10—11 верстъ отъ главной ограды, а вторую на 4, 6 и 8 верстъ. Въ самой крѣпости признавалось необходимымъ постройка бетонныхъ погребовъ, казармъ,—бетонныя же сооруженія стали строить и на фортахъ. Наконецъ, броневыя башни, переносная желѣзная дорога вокругъ фортовъ, и по радіусамъ къ центру крѣпости и воздушные шары дополняли, согласно даннымъ науки, силу новыхъ крѣпостей. То, что теперь нашъ генеральный штабъ считаетъ новымъ словомъ—напримѣръ, соединеніе фортовъ на промежуткахъ гласисомъ—было давно уже проектировано въ статьяхъ „Инженернаго Журнала“ за

восьмидесятые еще годы, но статьи эти были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Портъ-Артуръ, при наличіи всѣхъ перечисленныхъ совершенствъ въ вооруженіи у непріятеля, имѣлъ форты, удаленные отъ центра на $1\frac{1}{2}$ версты.

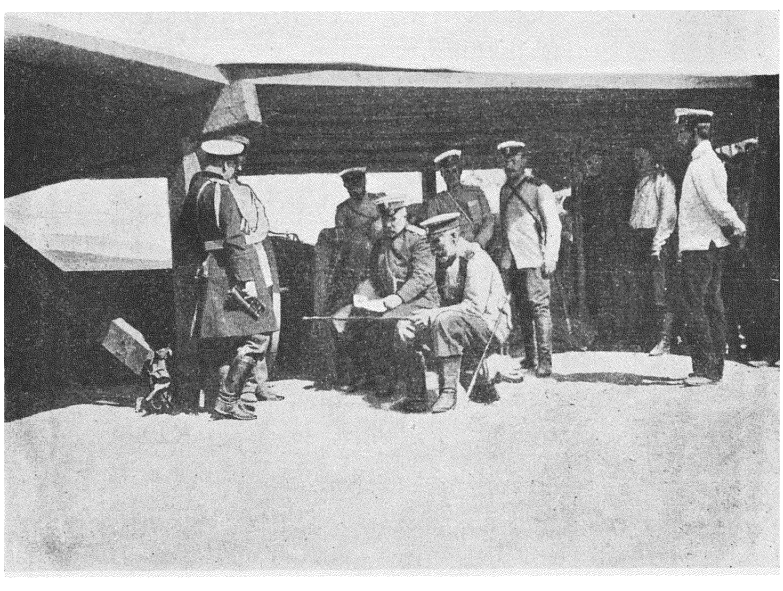
Съ перваго дня обложенія непріятельскія осадныя батареи стали обстрѣливать внутренность крѣпости до противоположной ея ограды гдѣ находились склады и госпитали,—ни переносной дороги, ни воздушнаго шара у меня не было. Линія фортовъ, построенная максимумъ на 3 версты, и минимумъ на версту отъ города, не могла прикрывать жизненныхъ пунктовъ крѣпости, да и самая линія эта была лишь наполовину закончена. Къ довершенію несчастья Артура рядомъ былъ Дальній съ докомъ и пристанями, гдѣ непріятель при бездѣйствіи нашего флота свободно выгрузилъ 11 дюйм. орудія.

Оглядываясь назадъ, я теперь вижу, что только съ Божьею помощью я могъ такъ долго держать Артуръ,—говорю съ помощью Божіею потому, что Богъ послалъ въ крѣпость военнаго генія, человѣка, передъ которымъ я преклонялся всегда и высоко цѣнилъ его, я говорю о покойномъ другѣ моемъ—Романѣ Исидоровичѣ Кондратенко.

Меня обвиняютъ теперь, что я вопреки закона подчинилъ ему инженеровъ (есть такой пунктъ въ обвинительномъ актѣ); съ чувствомъ живѣйшей радости читаю я это обвиненіе,—въ этомъ моя заслуга передъ Царемъ и Родиной и я, если бы снова очутился въ крѣпости и вновь пережилъ ужасъ осады, снова бы подчинилъ такому

Кондратенкѣ инженеровъ и самъ бы подчинился ему, какъ это и сдѣлалъ я фактически въ Артурѣ.

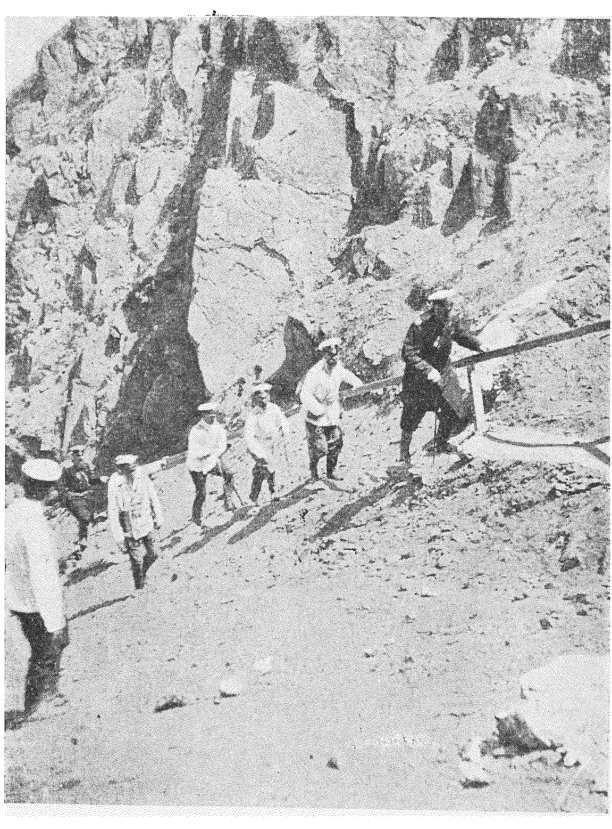
Если бы такимъ дѣятелемъ оказался Комендантъ крѣпости, генералъ Смирновъ, я бы охотно шелъ съ нимъ рука объ руку, но онъ принесъ въ крѣпость раздоръ, *сѣялъ вѣтеръ, и пожинаетъ теперь бурю.* Онъ сразу захотѣлъ стать автори-



тетомъ, не пріобрѣтя въ войскахъ свойственнаго таланту вѣса и значенія.

Всѣхъ поразило, что прибывшій Комендантъ крѣпости вмѣсто того, чтобы требовать вынесенія впередъ опорныхъ пунктовъ, сталъ пререкаться изъ-за укрѣпленія Угловой горы,—той самой Угловой горы, которая стоила японцамъ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Комендантъ требовалъ возведе-

нія укрѣпленій за фортами,—и это еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда войска наши бились на Зеленыхъ горахъ и когда необходимо было укрѣплять Волчьи горы, Трехглавую и Угловую. Всѣхъ поразила эта неосвѣдомленность и упрямство Комен-



данта въ вопросѣ, составлявшемъ самое больное мѣсто крѣпости, и я, конечно, не имѣлъ права оставлять на такого человѣка крѣпость безъ боязни, что непріятель не захватитъ ее сразу, если онъ останется полновластнымъ распорядителемъ. Я написалъ свое мнѣніе откровенно гене-

ралу Куропаткину, и послѣдній согласился со мною.

Комендантъ всѣми мѣрами тормозилъ распоряженія генерала Кондратенко, ссорился съ генераломъ Фокомъ по вопросамъ личнаго самолюбія, и ладилъ только съ корреспондентомъ Ножинымъ, съ которымъ во времена затишья боевой бури объѣзжалъ позиціи, вездѣ неуклонно снимаясь для потомства.

Я заговорилъ о Ножинѣ, хотя раньше и не хотѣлъ говорить о немъ ни слова, но мнѣ обидно читать въ „Правдѣ объ Артурѣ“ этого корреспондента о томъ, что генералъ Кондратенко послушно исполнялъ лишь совѣты Ножина во время сраженія на Зеленыхъ горахъ. Вообще Ножинъ и Купчинскій очень щедры на разговоры съ умершими уже дѣятелями,—т. к. увѣрены, что мертвые обличать не станутъ. Но свѣтлый умъ генерала Кондратенко, его чистое сердце свидѣтельствуютъ, что грязныя личности не могли имѣть вліянія на его рѣшенія, и если онъ терпѣлъ ихъ, то причиной этого была лишь безконечная снисходительность этого добраго человѣка.

Возвращаюсь къ Коменданту. Заручившись рекламой, онъ подкапывался медленно подъ зданіе артурской славы,—во время безконечныхъ сраженій, его не было видно,—онъ былъ или дома, или на Опасной горѣ (прозванной артурцами „Безопасной“), которую щадили выстрѣлы непріятеля. Когда я рѣшилъ послать парламентера для переговоровъ о сдачѣ, онъ притаился, притихъ, онъ ждалъ, когда все совершится, онъ не созы-

Ген.-Маіоръ КОНДРАТЕНКО.

валъ совѣта, не пытался противодѣйствовать мнѣ, не выѣзжалъ къ войскамъ, т. к. всѣмъ сердцемъ желалъ сдачи, ждалъ ея. Когда же сдача совершилась, то, отъѣхавъ отъ Артура на безопасное разстояніе, онъ понялъ, что наступило время для интриги, подкопа и доноса, и тутъ то онъ началъ говорить, чѣмъ былъ бы онъ, генералъ Смирновъ, если бы не было меня въ Портъ-Артурѣ. Теперь меня ожидаетъ судъ, а общество, со словъ моихъ враговъ, обвиняетъ меня въ преждевременной сдачѣ. Но я спокоенъ. Пусть мнѣ укажутъ хоть одну страницу инженерныхъ журналовъ и сочиненій по инженерному искусству, гдѣ бы допускалась мысль въ XX вѣкѣ о вѣнчаніи гласиса, спускѣ въ ровъ, веденіи минной войны. Инженеры рѣшали, что приблизившись на версту, непріятель при силѣ осадной артиллеріи уже захватитъ въ свои руки крѣпость, сдѣлается ея господиномъ, благодаря этому во многихъ крѣпостяхъ забросили старыя минныя галлереи, а новыхъ строить не стали. Я разрушилъ эту иллюзію; у меня японцы просидѣли мѣсяцъ во рву, а на 2 форту,— мѣсяцъ сидѣли стѣнка объ стѣнку съ моими солдатами. Были ли гдѣ подобные примѣры? Пусть меня осудятъ, но я горжусь обороной Артура. Комендантъ говоритъ, что мы не все сдѣлали, что намъ оставалась 2 и 3 линія обороны. *И это говоритъ онъ, выславшій изъ осажденной уже крѣпости безъ моего вѣдома шанцевый инструментъ въ Ляоянъ, вслѣдствіе чего солдатамъ нечѣмъ было копать землю.* Обвинительный актъ предъявляетъ мнѣ то же обвиненіе. *Я на это скажу одно: въ февралѣ, когда*

подчинили мнѣ инженеровъ. я взялъ въ свои руки оборону, и несдѣланное годами постарался наверстать въ страшные дни осады. Мы рыли подъ свистъ пуль, подъ громъ снарядовъ, одной рукой держа лопату, другой винтовку, и когда не хватало воды, утрамбовывая землю, поливали ее кровью. И вотъ—работа героевъ учтена и здѣсь, гдѣ упустили годы,—стали высчитывать часы агоніи крѣпости.

Крѣпость держалась, пока собиралась армія,—гарнизонъ ждалъ выручки,—но выручка пятилась и пятилась назадъ на поляхъ Ляояна и Мукдена, флотъ сталъ зимовать въ Мадагаскарѣ.

Я говорилъ Портъ-Артуръ будетъ моей могилой,—я мечталъ о могилѣ славы,—но могъ ли я, когда Артуръ совершилъ невозможное, во имя личныхъ цѣлей, во имя суетнаго тщеславія, выдать героевъ на рѣзню ожесточенныхъ упорною обороною японцевъ,—я видѣлъ, какъ они умирали, я видѣлъ страданія ихъ въ госпиталяхъ, сердце мое не вынесло постоянныхъ безцѣльныхъ ужасовъ и я остановилъ рѣзню. Комендантъ говорилъ, что я заботился о своей личной безопасности,—но это можно говорить лишь при условіи, что слушатели не знаютъ карты Артура. Если бы я заботился о себѣ, то я переѣхалъ бы на Ляотешанъ, и двинувъ всѣ силы на безцѣльную рѣзню,—могъ бы въ послѣднюю минуту съ горстью штабныхъ выкинуть изъ безопаснаго логовища Ляотешана флагъ,—и меня командующаго войсками въ Артурѣ, какъ цѣнный трофей, пощадили бы японцы, но я оставался на аттакованномъ фронтѣ,

откуда и слѣдилъ за боемъ на Большомъ Орлиномъ гнѣздѣ.

Я жду суда спокойно, я хотѣлъ бы вызвать свидѣтелями всѣхъ участниковъ обороны, тогда всѣ узнали бы, что генералъ Стессель былъ до конца на своемъ посту, — и если онъ теперь живетъ, такъ только затѣмъ, чтобы не дать клеветникамъ забросать грязью исполнившій свято свой долгъ гарнизонъ Портъ-Артура.

И я глубоко убѣжденъ, что и гарнизонъ этотъ, видѣвшій меня въ долгіе мѣсяцы осады на позиціяхъ, засвидѣтельствуетъ правду о своемъ старомъ, затравленномъ клеветниками генералѣ, и смѣло скажетъ міру свое вѣское слово, слово героевъ Артура, — которое заглушитъ громомъ своимъ мнѣніе завистливыхъ змѣй, выползшихъ изъ своихъ норъ и отравившихъ своимъ ядомъ не мало сердецъ, съ гордостью произносившихъ раньше слова: „Портъ-Артуръ“.

Изъ всѣхъ моихъ „обвинителей“ въ печати наиболѣе опредѣленными и наглыми являются Ножинъ и Купчинскій. Ножинъ, сотрудникъ „Новаго Края“, артурской газеты, дѣятельность которой я призналъ вредной для нашихъ интересовъ, состоялъ въ свитѣ генерала Смирнова и по моему глубокому убѣжденію былъ ближайшимъ его помощникомъ въ составленіи „доклада“.

Въ видѣ признательности генералъ Смирновъ повсюду таскалъ его за собой, а „любопытный“ Ножинъ, пользуясь случаемъ, дѣлалъ фотографическіе снимки съ нашихъ фортовъ и съ самого генерала Смирнова.

Въ своихъ отчетахъ въ „Новомъ Краѣ“ онъ время отъ времени помѣщалъ замѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „сегодня кончила вооружаться такая-то батарея“, или „японскіе снаряды *не долетаютъ* туда-то и туда-то“. Если принять во вниманіе, что японскіе посты въ то время были расположены уже близко отъ Артура и японцы ежедневно получали газету „Новый Край“, то станетъ вполнѣ понятно, почему я не могъ терпѣть подобнаго рода „дѣятельности“ и вынужденъ былъ отобрать у него корреспондентскій билетъ.

Считая вообще Ножина личностью крайне подозрительною, я отдалъ распоряженіе подвергнуть его личному задержанію, а параллельно съ этимъ произвести на его квартирѣ обыскъ съ цѣлью отобрать у него снимки нашихъ фортовъ.

Но Ножинъ исчезъ безслѣдно.

Только впослѣдствіи мнѣ удалось выяснить, при какихъ обстоятельствахъ бѣжалъ Ножинъ изъ Артура.

Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди, а пока я ограничусь лишь только тѣмъ, что скажу, что Ножинъ оказался въ Шанхаѣ и на страницахъ шанхайскихъ газетъ оповѣстилъ міръ, что „душою“ обороны Артура является не генералъ Стессель, а „доблестный“ генералъ Смирновъ.

Купчинскій.... Этого я почти не помню въ Артурѣ, онъ уѣхалъ до осады и за полгода до сдачи крѣпости.

Уѣхалъ онъ на шлюпкѣ съ пріѣзжавшимъ въ Портъ-Артуръ корреспондентомъ Борисомъ Тагѣевымъ.

И вотъ, спустя большой промежутокъ времени, по возвращеніи изъ плѣна, явился къ генералу Рейсу, уже въ Петербургѣ, унтеръ-офицеръ, сопровождавшій Тагѣева, и представилъ его донесеніе.

Донесеніе это, въ виду важности, передано въ главный штабъ 30 апрѣля 1905 года за № 270. Тагѣевъ сообщалъ въ немъ, что когда онъ съ Купчинскимъ выѣхалъ на китайской шаландѣ изъ Артура въ Инкоу, на пути имъ на горизонтѣ встрѣтился японскій миноносецъ, который могъ ихъ не замѣтить.

Тагѣевъ и бывшій съ нимъ унтеръ-офицеръ хотѣли пройти мимо незамѣченными, но Купчинскій вдругъ вскочилъ и сталъ махать бѣлымъ платкомъ миноносцу, послѣ чего послѣдній и взялъ всѣхъ троихъ въ плѣнъ.

По донесенію Тагѣева, Купчинскій началъ немедленно разсказывать японцамъ все, что зналъ о Портъ-Артурѣ, не смотря на то, что его никто и не разспрашивалъ объ этомъ. Тотъ же Купчинскій, когда былъ въ Японіи въ плѣну, вращаясь въ кругу плѣнныхъ офицеровъ, которые его еще не знали, былъ посвященъ нѣсколькими нашими офицерами въ планъ бѣгства, которое они хотѣли устроить.

Во главѣ заговорщиковъ былъ поручикъ Святополкъ-Мирскій.

Купчинскій выдалъ заговорщиковъ японцамъ. Всѣ офицеры тыла арестованы, а нѣкоторые, какъ напримѣръ Святополкъ-Мирскій, подверглись даже истязаніямъ, а Купчинскій едва-ли не въ знакъ признательности къ нему японцевъ, былъ отпу-

щенъ изъ плѣна, но предварительно избитъ до безпамятства нашими офицерами за свое шпіонство. Всѣ эти факты признаетъ и не можетъ не признать самъ Купчинскій.

Вотъ вамъ мои „обличители“ въ печати. Послѣ всего, что я сказалъ, я думаю всякій пойметъ, почему я не вступалъ и не вступаю въ полемику съ этими господами.

Теперь перейдемъ къ обвинительному акту. Я не думаю, конечно, возражать противъ каждаго пункта, я не юристъ, да наконецъ, я свято вѣрю въ знаніе и талантъ моихъ защитниковъ и всецѣло предоставляю имъ защищать меня.

Я вообще ранѣе считалъ неудобнымъ говорить о немъ до суда, но разъ онъ почти цѣликомъ, да вдобавокъ дополненный вымышленными гадостями и пошлостями былъ помѣщенъ въ газетахъ, разъ каждый могъ его комментировать, какъ ему вздумается, то мнѣ кажется, что я, тѣмъ болѣе имѣю на это право.

Какъ понять: „получилъ предписаніе сдать крѣпость и выѣхать въ армію“? Несомнѣнно это тяжелая, дисциплинарная мѣра, сопряженная съ большимъ позоромъ для того, къ кому она примѣнена, а слышало ли общество когда-нибудь объ этомъ приказаніи, о томъ, что я смѣненъ, что главнымъ начальникомъ въ Портъ-Артурѣ уже является генералъ Смирновъ? Или наоборотъ, до общества долетѣла вѣсть, что мои права и компетенція расширены, что съ этого времени я не могу отдавать все свое вниманіе исключительно одной крѣпости и что лишь въ силу этого для

послѣдней необходимъ особый комендантъ? И не узнало ли общество объ этомъ приказаніи лишь спустя $2^1/_2$ года, благодаря обвинителю.

Допустимъ, что я скрылъ это приказаніе, желая удержать власть за собой.

Но генералъ Куропаткинъ, онъ-то вѣдь во всякомъ случаѣ зналъ объ этомъ приказѣ: какъ же онъ могъ молчать? Какъ могъ онъ терпѣть подобное безобразіе, чтобы смѣненный имъ генералъ Стессель, вопреки категорическому приказу, продолжалъ командовать. Почему не донесъ Государю Императору? Какъ могъ онъ ставить Верховнаго Вождя въ ложное положеніе—вступать въ непосредственныя сношенія съ преступникомъ и даже давать ему награды и особыя права и назначенія.

Я полагаю, что всякій пойметъ, что не могъ дѣйствовать такимъ образомъ главнокомандующій, не могъ онъ допустить такого безчинства въ осажденной крѣпости (какъ захватъ власти), когда онъ и такъ зналъ, что между двумя высшими начальниками происходитъ нежелательное преніе.

А если это такъ, то какой же тутъ захватъ власти.

Дѣйствительно, я получилъ отъ генерала Куропаткина письмо, въ которомъ онъ призывалъ меня къ себѣ въ армію и предлагалъ мнѣ передать командованіе Смирнову, въ виду того, что, по его свѣдѣніямъ, ввѣренныя мнѣ войска отошли подъ верки крѣпости и стало быть укрѣпленнаго раіона больше не существуетъ, т. к. онъ фактически превратился въ крѣпость.

Справедливо полагая, что заблужденіе генерала Куропаткина произошло вслѣдствіе неправильнаго донесенія — интриги со стороны Смирнова, а это въ дѣйствительности и оказалось такъ, я отправилъ генералу Куропаткину письмо, въ которомъ доводилъ до его свѣдѣнія, что войска вовсе не отошли подъ верки крѣпости, что укрѣпленный раіонъ существуетъ и что вслѣдствіе личныхъ слабыхъ качествъ генерала Смирнова и его неспособности я считалъ бы болѣе цѣлесообразнымъ передать командованіе не ему, а генералу Кондратенко или Фоку.

Долгъ обязывалъ меня такъ поступить, тѣмъ болѣе, что въ своемъ письмѣ, послѣ подробнаго доклада о положеніи дѣлъ, я писалъ: „но за всѣмъ тѣмъ, если Ваше Превосходительство признаете мое присутствіе въ арміи необходимымъ, я немедленно *исполню* Ваше приказаніе и во что бы то ни стало постараюсь прибыть“.

Какъ свидѣтельствуетъ теперь самъ генералъ Куропаткинъ, онъ, видя, „что генералъ Стессель обладаетъ надлежащимъ авторитетомъ, *рѣшилъ его оставить*“.

Послѣ этого инцидента я получилъ вскорѣ *благодарность* за свои дѣйствія, право награждать отличившихся, и такимъ образомъ, мой поступокъ былъ санкціонированъ и ни о какомъ узурпаторствѣ не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что я былъ назначенъ начальникомъ укрѣпленнаго района по Высочайшему повелѣнію и не было такового же повелѣнія о моемъ перемѣщеніи.

Еще большій абсурдъ представляетъ этотъ вопросъ съ точки зрѣнія военной психологіи.

Читая обвинительный актъ, всѣ должны неизбѣжно рисовать себѣ такую картину: съ одной стороны законный, непререкаемый и при томъ дѣятельно-распорядительный Комендантъ, съ которымъ солидарно, повидимому, все высшее начальство крѣпости, въ рукахъ котораго, стало быть, сосредоточена вся сила и власть, съ другой стороны я, смѣщенный и не имѣющій даже права оставаться въ Артурѣ, могущій найти поддержку развѣ только въ нераспорядительномъ, растерянномъ генералѣ Фокѣ, да еще въ своемъ начальникѣ штаба полковникѣ Рейсѣ.

И вотъ къ величайшему недоумѣнію, оказывается, что я, незаконный начальникъ, единолично командую, получаю награды и даю ихъ другимъ, а настоящій законный военачальникъ, нѣкій, такъ сказать, стратопедархъ, окруженный, якобы, всеобщими симпатіями, пребываетъ въ полномъ бездѣйствіи. И главное, что такое перемѣщеніе центра тяжести власти происходитъ само собою, естественно, безъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій. Войска безропотно мирятся съ такимъ незаконнымъ начальникомъ; даже такой честный, храбрый, любимый войсками генералъ, какъ покойный Кондратенко, безпрекословно становится подъ мое начало. Мало того — этотъ нетерпимый всѣми генералъ приказываетъ сдать крѣпость, и весь гарнизонъ, во главѣ съ храбрымъ комендантомъ, подчиняется этому приказанію безпрекословно.

Да и что такое власть? Какое-либо реальное движимое имущество, которое я могу скрыть и такимъ образомъ сдѣлать его передачу другому лицу невозможною. Вѣдь не отъ меня же, несомнѣнно, получилъ власть генералъ Смирновъ, а отъ Самого Государя, и что онъ нисколько не былъ склоненъ преуменьшать значеніе этой власти, а скорѣе наоборотъ, — о томъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, его знаменитый приказъ: „съ нами Богъ, разумѣйте языцы".

Вотъ ужъ поистинѣ надутое самохвальство! Какъ генералъ Смирновъ не могъ понять всей неумѣстности подобной фразы въ устахъ обыкновеннаго смертнаго. Да и какіе же „языцы", когда и былъ всего одинъ — языкъ — японцы.

Я бы могъ привести еще цѣлый рядъ доводовъ противъ захвата мною власти, но мнѣ кажется, что и безъ того 1-й пунктъ обвинительнаго акта не выдерживаетъ даже самой поверхностной критики и что возникъ онъ, исключительно благодаря показанію генерала Смирнова, который, признавая „захватъ власти", не столько тѣмъ отягощаетъ мою вину (въ виду полной нелѣпости такого обвиненія), сколько рисуетъ себя полнымъ ничтожествомъ; это поняли юристы и не предъявляли мнѣ раньше этого обвиненія, оно явилось впослѣдствіи, какъ результатъ работъ „*Частнаго Присутствія Военнаго Совѣта*".

„Вмѣшивался въ права и обязанности Коменданта, подрывая авторитетъ послѣдняго".

Но пусть скажутъ мнѣ, гдѣ существуютъ такіе законы, которые запрещаютъ старшему на-

чальнику, несущему всю отвѣтственность за общій ходъ дѣла, вмѣшиваться, когда это необходимо, въ распоряженія подчиненнаго?

И при томъ, въ чемъ же это вмѣшательство выразилось?—въ отрѣшеніи отъ должности брандмейстера, назначеніи на должность врача, удаленіи жандармовъ, запрещеніи газеты, приказѣ объ арестѣ корреспондента и т. д.

Вѣроятно полагаютъ, что если бы брандмейстеръ Вейканенъ не былъ удаленъ, а Ножинъ оставленъ въ Портъ-Артурѣ, то крѣпость была бы способна защищаться еще долгое время?

Какъ видно, генералъ Смирновъ для доказательства подрыва своего Комендантскаго авторитета не нашелъ другой опоры, кромѣ перечисленныхъ ничтожныхъ фактовъ. Или уже „боевая" дѣятельность генерала Смирнова такъ тѣсно была связана съ дѣятельностью Вейканена и Ножина, что какой бы то ни было ударъ по этимъ молодцамъ неизбѣжно захватывалъ и „авторитетъ" Коменданта? Но не доказываетъ ли это прежде всего то, что и вся-то „боевая" дѣятельность Коменданта ограничивалась газетно-брандмейстерской сферою?

„Не принялъ мѣры къ увеличенію продовольственныхъ средствъ крѣпости". П. 3.

Я полагаю, что если бы это и было справедливо, то обвинять меня въ этомъ преступленіи можно было бы лишь тогда, если бы гарнизонъ сдался отъ голода, но этому противорѣчитъ п. 10-й обвинительнаго акта, говорящій, что... „количе-

ство продовольственныхъ припасовъ обезпечивало возможность продолженія обороны".

Въ печати и обществѣ надѣлали много шума „замѣтки" генерала Фока.

Это обвиненіе въ моемъ, якобы, потворствѣ генералу Фоку прямо нелѣпо; правда, иногда въ тѣсномъ кругу мы прочитывали острыя эпиграммы генерала Фока на то или другое извѣстное въ Артурѣ лицо, но ни о какихъ „замѣткахъ" я не имѣлъ и понятія.

Да и вообще, трудно себѣ представить военному человѣку, какъ могли какія-нибудь замѣтки „понижать духъ гарнизона".

Солдатъ, особенно въ бою, превосходно сумѣетъ отличить хорошаго начальника отъ плохого, не нуждаясь для этого ни въ какихъ замѣткахъ. Самъ этотъ 4-й пунктъ обвиненія напоминаетъ мнѣ пріемъ добраго стараго времени, когда не стѣснялись для усиленія вины прибавлять: „а вотъ такіе-то слышали, что онъ и начальство ругаетъ".

Обвиненіе въ неправильныхъ донесеніяхъ возникло главнымъ образомъ вслѣдствіе чрезвычайно оригинальнаго и совершенно произвольнаго толкованія моихъ донесеній. Такъ, напр., выраженія: „я отдалъ приказаніе объ отступленіи съ Киньжоуской позиціи" или „въ этомъ дѣлѣ мы выпустили всѣ снаряды", объясняютъ въ томъ смыслѣ, что я хотѣлъ этимъ подчеркнуть свое участіе въ бою, что въ дѣйствительности мнѣ и въ голову не приходило. Выраженія „мы сдѣлали то-то" сплошь и рядомъ встрѣчаются не только въ до-

несеніяхъ главнокомандующаго арміями о дѣйствіяхъ отрядовъ, находившихся отъ него въ нѣсколькихъ переходахъ, но даже и въ донесеніяхъ военныхъ корреспондентовъ, однако же никто изъ нихъ, изъ мѣстъ своихъ редакцій, никуда не отступалъ.

Ставятъ въ вину выраженіе мое въ донесеніи генералу Куропаткину 1 іюня, что я бывалъ при всѣхъ столкновеніяхъ, тогда какъ, кромѣ Киньжоускаго боя, до 1 іюня, никакихъ столкновеній не было, кромѣ бомбардировокъ, во время которыхъ все населеніе Артура подвергалось опасности. При этомъ не знаю, умышленно, или неумышленно забываютъ цѣлый рядъ японскихъ атакъ съ моря, съ цѣлью брандерами загородить выходъ нашему флоту, и о томъ, что во время всѣхъ этихъ атакъ я безотлучно находился на Электрическомъ утесѣ, наиболѣе близкомъ къ мѣсту дѣйствія.

Не представляетъ же себѣ обвинитель бой въ блестящемъ шлемѣ съ „семикожнымъ“ щитомъ и „длиннотѣнною“ пикой въ рукѣ,... а бомбардировку неужели онъ не считаетъ даже и столкновеніемъ!..

Признаютъ неправильнымъ мое донесеніе 16 декабря, что снарядовъ у насъ *почти* нѣтъ, тогда какъ на совѣтѣ того же 16 декабря, генералы Никитинъ и Бѣлый заявили, что снаряды для обороны еще есть, но при этомъ умалчиваютъ о томъ, что тотъ же генералъ Никитинъ сказалъ, что остается не болѣе 10 снарядовъ на скорострѣльное орудіе, т. е. на 5 минутъ стрѣльбы,

а генералъ Бѣлый, въ послѣдній мѣсяцъ, на всѣ просьбы съ батарей о присылкѣ снарядовъ и на мои требованія усилить огонь, отвѣчалъ, что не можетъ этого сдѣлать по недостатку снарядовъ.

Обвиненіе въ томъ, что я представлялъ къ наградамъ незаслуженно, является въ высшей степени страннымъ. Оцѣнка дѣятельности подчиненныхъ неизбѣжно является вообще дѣломъ субъективнымъ и далеко не всегда можетъ быть уложена въ рамки статутовъ, особенно въ той совершенно исключительной обстановкѣ, въ которой приходилось жить и дѣйствовать артурскому гарнизону. Ссылка на слова генерала Рейса, что онъ не считаетъ себя заслужившимъ награжденія Георгіемъ, рѣшительно ничего не доказываетъ, кромѣ скромности этого генерала, и я убѣжденъ, что на поставленный такимъ образомъ вопросъ большинство награжденныхъ отвѣтили бы то же самое. Конечно, я не имѣю въ виду офицеровъ типа генерала Смирнова, который требовалъ себѣ Георгія за то, что замкнулъ изъ блиндажа токъ, взорвавшій камуфлетъ, значительно облегчившій минныя работы... японцевъ.

П. 10-й. „Состоя начальникомъ укрѣпленнаго Квантунскаго раіона и старшимъ начальникомъ въ крѣпости Портъ-Артуръ, вопреки мнѣнію военнаго совѣта, сдалъ крѣпость“ и т. д.

На судѣ будутъ выяснены въ мельчайшихъ подробностяхъ тѣ роковыя причины, которыя заставили меня единолично сдать крѣпость.

Сейчасъ же я, лишь въ общихъ чертахъ, могу набросать картину, при которой я вынужденъ былъ поступить такъ, а не иначе.

Большинство членовъ совѣта 16 декабря указывало, что держаться слѣдуетъ, пока мы имѣемъ въ рукахъ *первую линію, т. е. форты*, потому что вторая и третья линіи представляли собой лишь слабыя полевыя позиціи и держаться на нихъ не представлялось возможнымъ. На этомъ совѣщаніе кончилось и я объявилъ, что беру на себя окончательное рѣшеніе въ зависимости отъ дальнѣйшихъ обстоятельствъ.

Совѣтъ былъ 16-го, а съ того дня событія пошли неимовѣрно быстрымъ темпомъ. 18-го пало наше послѣднее долговременное укрѣпленіе № 3. Овладѣвъ имъ, японцы получили возможность обстрѣливать во флангъ и отчасти въ тылъ участокъ Китайской стѣнки до Заредутной батареи и Волчью мортирную и Заредутную батареи, почему держаться здѣсь стало совершенно невозможно и ихъ пришлось очистить. Войска отошли на 2 линію. 19 декабря съ утра японцы повели жестокую атаку на Б. Орлиное гнѣздо, одновременно съ сильнѣйшей бомбардировкой послѣдняго, быстро уничтожившей всѣ закрытія. Пять штурмовъ были отбиты, шестымъ—японцы овладѣли Б. Орлинымъ гнѣздомъ, очутившись въ тылу Куропаткинскаго люнета, бат. лит. Б. и М. Орлинаго гнѣзда; такъ какъ укрѣпленія эти не были приспособлены къ оборонѣ съ тыла и легко могли быть отрѣзаны отъ крѣпости, то и ихъ пришлось очистить.

Б. Орлиное гнѣздо было послѣднимъ, сколько-нибудь серьезнымъ препятствіемъ, на пути движенія японцевъ въ Старый городъ.

Наша крѣпостная артиллерія не могла содѣйствовать отбитію штурма потому, что поле дѣйствія слишкомъ приблизилось къ крѣпости, находилось уже въ такъ называемомъ мертвомъ пространствѣ, а для полевой артиллеріи у меня осталось всего по 10 патроновъ на орудіе, т. е. даже при медленномъ огнѣ, на 3—4 минуты стрѣльбы.

Къ этому времени мы могли сосредоточить для обороны всѣхъ полевыхъ позицій восточнаго фронта 5—6 тысячъ штыковъ, противъ 30—40 тысячъ японцевъ [1]).

За этой позиціей непосредственно находился старый городъ, гдѣ всѣ дома были набиты больными и ранеными. Ни мы, ни японскіе генералы не могли ручаться за то, что произойдетъ. Развѣ можно остановить озвѣрѣвшаго солдата.

3 августа, когда японцы прислали парламентеровъ съ предложеніемъ сдать крѣпость, они заявили, что если крѣпость будетъ взята съ бою, то японскіе начальники не ручаются за *звѣрство* своихъ войскъ и возможность *повальной рѣзни*.

И это не было словами: 10 лѣтъ тому назадъ,

[1]) Изъ общаго числа около 11.000 штыковъ, въ виду необходимости хотя бы слабо занять болѣе чѣмъ 20-верстное протяженіе линіи обороны, мы на восточномъ фронтѣ никакъ не могли собрать болѣе 5—6 тысячъ штыковъ, японцы же, располагая подъ Артуромъ почти 100-тысячной арміей и имѣя иниціативу дѣйствій въ своихъ рукахъ, свободно могли сосредоточить противъ восточнаго фронта 30—40 тысячъ и даже болѣе.

взявъ тотъ-же Портъ-Артуръ, они *не оставили тамъ въ живыхъ ни одного раненаго.*

Въ 3 часа 40 мин. дня ясно стало, что къ ночи японцы станутъ хозяевами Артура. Между тѣмъ, послать парламентера можно было только до наступленія темноты, т. е. мнѣ оставалось: 1) или послать его не собравъ совѣта, или 2) собрать совѣтъ, зная, что не успѣю послать парламентера. Полагая, что сохраненіе жизни нѣсколькихъ тысячъ людей важнѣе соблюденія чисто формальнаго требованія, я рѣшился на первое.

На разсвѣтѣ, да и раньше еще, съ Орлинаго гнѣзда, японцы, конечно, увидѣли бы, что у насъ уже ничего нѣтъ, ни резервовъ, ни позиціи.

Да они со мной потомъ и разговаривать не захотѣли бы, а предложили бы сдаться на волю побѣдителей и только.

Мы не имѣли бы возможности, ни испортить орудій, ни взорвать судовъ, ни затопить снарядовъ, ни выслать миноносцевъ со знаменами.

Если суда были взорваны слабо и въ настоящее время они подняты, то въ этомъ виноватъ не я, а адмиралы, которые, какъ стояли въ бассейнѣ на мели, такъ и затопились.

Только одинъ адмиралъ Эссенъ имѣлъ мужество, выйдя на рейдъ, затопить на 50-ти саженной глубинѣ свое судно, предварительно пустивъ ко дну нѣсколько японскихъ миноносцевъ. Между тѣмъ на военномъ совѣтѣ 16 декабря адмиралъ Виренъ и другіе говорили мнѣ, что у нихъ готово все для уничтоженія.

На этомъ совѣтѣ чудеса храбрости (конечно на словахъ) выказывалъ генералъ Смирновъ. По его мнѣнію держаться слѣдовало, такъ какъ на китайской стѣнкѣ мы продержимся 2 недѣли, на второй линіи укрѣпленій — недѣлю, на 3-й — три недѣли.

На дѣлѣ же оказалось: на китайской стѣнкѣ держались 2 часа, на 2-й линіи нѣсколько часовъ. 3 линія состояла изъ нѣсколькихъ почти неукрѣпленныхъ горокъ и внутренней ограды, которая, будучи построена послѣ китайской войны, для обезпеченія города отъ внезапнаго нападенія какой-нибудь шайки боксеровъ, не имѣющей огнестрѣльнаго оружія, совершенно не была примѣнена къ мѣстности, командовалась съ близъ прилегающихъ высотъ и потому рѣшительно никакой оборонительной силы не имѣла.

Тотъ же самый Смирновъ, еще за полгода до сдачи, „доносилъ“ генералу Куропаткину, что онъ ручается продержаться въ крѣпости до 1-го октября, чего никоимъ образомъ не сумѣетъ сдѣлать генералъ Стессель, а между тѣмъ я держался до 21-го декабря, и говорю по чистой совѣсти, что сдалъ крѣпость только тогда, когда сопротивленіе было безполезно.

Что роковымъ образомъ вліяло на успѣшность обороны, такъ это полное бездѣйствіе флота и отсутствіе дисциплины въ высшихъ флотскихъ начальникахъ. Такъ, адмиралы Лощинскій и Григоровичъ не только открыто мнѣ не подчинялись, но въ очень рѣзкихъ формахъ отклоняли малѣйшее мое необходимое вмѣшательство.

Быстрое и неожиданное появленіе японцевъ въ предѣлахъ Квантуна было дѣломъ серьезнымъ, такъ какъ оборона подступовъ къ Артуру съ сѣвера была совсѣмъ плохо оборудована и даже не имѣла пушекъ, а многія укрѣпленія были только намѣчены.

Въ виду всего этого Намѣстникъ приказалъ командующему эскадрой, адмиралу Витгефту, сдать въ мое распоряженіе орудія, въ количествѣ: 23-хъ 6″, 6-ти 120 *mm.*, 75 *mm.* и 37 *mm.* и 2½″ Б. для установки ихъ на Сѣверномъ сухопутномъ фронтѣ, такъ какъ эскадра, ослабленная взрывомъ „Побѣды“, въ день гибели „Петропавловска“, въ теченіе ремонта этого броненосца не могла быть активной.

Сдѣлавъ распоряженіе относительно передачи морскихъ орудій сухопутному начальству, выразившееся въ приказѣ командующаго эскадрой адмирала Витгефта отъ 29-го апрѣля за № 32, Намѣстникъ (кажется 22-го апрѣля) едва успѣлъ выѣхать вмѣстѣ со своимъ штабомъ изъ Артура въ Мукденъ.

Наладивъ дѣло по упорядоченію укрѣпленій, а также разработавъ планъ замедленія движенія японцевъ къ Артуру и намѣтивъ рядъ оборонительныхъ позицій, я, правильно понимая назначеніе и дѣятельность флота, всегда былъ готовъ, по приведеніи эскадры въ порядокъ, по первому же требованію командующаго адмирала, вернуть все то, что мнѣ было дано съ эскадры, такъ какъ я вовсе не желалъ ее ослаблять.

Также я считалъ себя въ правѣ привлекать къ

участію въ задержаніи японской арміи малыя и спеціальныя суда обороны, какъ-то канонерскія лодки и миноносцы, которые, по моему настоянію, и высылались адмираломъ Витгефтомъ для фланговаго обстрѣла японцевъ подъ Кинчжоу, на Зеленыхъ горахъ и занятыхъ яцонцами другихъ береговыхъ пунктахъ. И японцы на долго бы задержались въ своихъ наступательныхъ движеніяхъ къ Артуру, если бы на мою просьбу выслать миноносцы и лодки въ заливы Таліенванъ и Кинчжоускій, при штурмахъ Кинчжоускихъ укрѣпленій, адмиралъ Лощинскій исполнилъ свой долгъ болѣе добросовѣстно и не ограничился бы высылкой въ заливъ Таліенванъ только одной лодки „Бобръ“ и двухъ миноносцевъ, предоставивъ возможность японцамъ поставить нѣсколько своихъ лодокъ и миноносцевъ въ заливѣ Кинчжоу и до того безнаказанно, что, даже сѣвъ на грунтъ въ малую воду, суда японскія съ успѣхомъ выполнили по отношенію одного изъ нашихъ фланговъ то, чего такъ настойчиво требовалъ я отъ адмирала Витгефта.

Распоряженіе адмирала Витгефта, отданное по моему настоянію, принималось начальникомъ морской обороны адмираломъ Лощинскимъ въ самой неприличной для морского офицера формѣ.

На приказаніе адмирала Витгефта, переданное его флагъ-офицеромъ лейтенантомъ Азарьевымъ, идти немедленно на рейдъ къ Сикао для обстрѣла непріятеля, адмиралъ Лощинскій грубо и недовольнымъ голосомъ и, не стѣсняясь команды на шканцахъ, кричалъ, что онъ не понимаетъ тако-

го приказанія, которое рискованно для лодокъ... что такихъ приказаній отдавать нельзя. что не дѣло лодокъ, или судовъ флота, бороться съ сухопутными батареями японцевъ, что это дѣло нашихъ сухопутныхъ батарей и что если они не могутъ бороться, нужно сдаваться..., а не подвергать лодки опасности быть взорванными... Кромѣ того, Лощинскій захватилъ на каждую лодку лишь по 15 снарядовъ, воспользовавшись приказомъ Витгефта, распорядившагося во время бомбардировокъ не имѣть на лодкахъ болѣе 15. Когда адмиралъ Витгефтъ въ справедливомъ гнѣвѣ спрашивалъ Лощинскаго, какъ онъ могъ захватить только 15 снарядовъ въ бой, когда распоряженіе его относилось лишь ко времени стоянія въ бухтѣ, адмиралъ Лощинскій не постыдился цинично возразить, что онъ понялъ такъ приказъ и не взялъ болѣе 15, чтобы не было взрыва.

По выясненіи способности сухопутнаго гарнизона съ успѣхомъ задерживать наступленіе японцевъ, я продолжалъ настаивать на выходѣ эскадры въ море и на активной ея дѣятельности еще въ Маѣ, какъ только суда эскадры были приведены въ исправность и полную способность дѣйствовать.

Постоянныя мои настоянія о необходимости выхода эскадры изъ пассивнаго состоянія (отношен. ген. Стесселя вр. и. д. ст. фл. и ком. эск. за № 141 отъ 22 Мая) побудили адмирала Витгефта собрать флагмановъ и командировъ судовъ I-го ранга для обсужденія вопроса затронутаго мною. За исключеніемъ командира „Севастополя“,

капитана I-го ранга Эссена, большинство командировъ на этомъ собраніи порѣшило, что „флотъ долженъ выйти въ море тотчасъ же, какъ онъ будетъ готовъ къ бою, выходъ же немедленный, какъ желаютъ сухопутные начальники, несмотря ни на какое положеніе дѣлъ на сухопутномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, невозможенъ за неготовностью судовъ. О времени готовности флота сообщить начальнику укрѣпленнаго раіона, по выясненіи обстоятельствъ, но во всякомъ случаѣ *не раньше, какъ черезъ недѣлю*. По частямъ же выходъ флота не допустимъ въ тактическомъ отношеніи и не можетъ привести къ какому-либо благопріятному результату“ (протоколъ отъ 23-го Мая 1904 года).

Фактъ отдѣльнаго, хотя и единственнаго мнѣнія капитана I-го ранга Эссена, несогласнаго со взглядами всѣхъ остальныхъ командировъ, достаточно вѣрно обрисовываетъ немощность духа и полную неспособность къ занимаемымъ постамъ тѣхъ изъ командировъ, которые, подобно капитану Эссену имѣли въ своемъ распоряженіи исправные корабли, но отъ активной дѣятельности отказались, тѣмъ болѣе заслуживающихъ нареканій, что не потрудились хорошенько разобрать и уяснить то, что въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи предлагалъ самый молодой ихъ товарищъ.

Изъ того, что Эссенъ допускаетъ возможность присоединенія „неисправныхъ“ судовъ къ вышедшимъ уже въ море исправнымъ, ясно, что неисправность тѣхъ судовъ была тѣсно связана съ упадкомъ и обнищалостью духа ихъ командировъ.

Собирая флагмановъ и командировъ для отвѣта мнѣ, адмиралъ Витгефтъ въ то же время не забывалъ жаловаться въ телеграммахъ Намѣстнику на то, что Стессель его жметъ и, дескать, ничего не понимая въ техникѣ сложнаго морского дѣла, все время настаиваетъ на выходахъ эскадры.

Конечно, Намѣстникъ, будучи самъ адмираломъ, не могъ не оказать поддержки адмиралу Витгефту, которая и выразилась въ телеграммѣ Намѣстника ко мнѣ, съ указаніемъ на то, чтобы я не забывалъ, что флотъ подчиненъ только адмиралу Витгефту.

„Въ виду настойчивости, съ которой Вы обращаетесь къ адмиралу Витгефту съ требованіемъ о выходѣ флота", говорится въ телеграммѣ Намѣстника отъ 4-го Іюня, „я долженъ напомнить Вашему Превосходительству:

1) крѣпости надлежитъ упорно обороняться и служить до послѣдней крайности убѣжищемъ флоту; 2) флотъ находится въ непосредственномъ распоряженіи и на отвѣтственности начальника эскадры, почему его выходъ въ море можетъ послѣдовать только по усмотрѣнію адмирала Витгефта; 3) Ваши обязанности, какъ высшаго военнаго начальника, должны заключаться въ напряженіи всѣхъ силъ для самой упорной обороны и никоимъ образомъ не считать, что для спасенія крѣпости мы должны жертвовать флотомъ".

Неудачная попытка прорваться во Владивостокъ и смерть Витгефта настолько сильно подѣйствовали на моральную сторону всѣхъ командировъ, что они поспѣшили въ собраніи своемъ съ

участіемъ завѣдующаго обороной береговъ контръ-адмирала Лощинскаго и командира Портъ-Артура контръ-адмирала Григоровича 6-го августа составить слѣдующее безповоротное рѣшеніе: отказаться окончательно не только отъ всякой попытки выполнить еще дѣйствующее Высочайшее повелѣніе, т. е. прорваться во Владивостокъ [1]), но также отъ какихъ бы то ни было выходовъ въ море для плодотворной и активной дѣятельности противъ японцевъ, почему постановлено было теперь же оказать крѣпости помощь всѣми средствами, какъ орудіями, такъ людьми, какія могутъ дать суда, оставивъ только для себя возможность сражаться на якорѣ.

Такъ легко отказавшись отъ всѣхъ своихъ функцій морскихъ офицеровъ и такъ самонадѣянно признавъ себя способными къ отправленію функцій сухопутныхъ офицеровъ и помимо какого бы то ни было желанія и участія въ этомъ добровольномъ превращеніи съ моей стороны, весьма естественно, что собраніе флагмановъ и командировъ при участіи адмираловъ Лощинскаго и Григоровича, а также капитана 1-го ранга Вирена, на засѣданіе свое меня не пригласило и ужъ конечно не освѣдомило о состоявшемся рѣшеніи, выразившемся въ протоколѣ, приложенномъ къ отношенію адмирала Вирена ко мнѣ отъ 26-го Ноября 1904 года за № 92.

Между тѣмъ я, ничего не подозрѣвая, продолжалъ докучать адмираламъ, настаивая на вопл-

[1]) Даже послѣ исправленія поврежденій, полученныхъ въ бою 28 іюля, на судахъ эскадры.

нѣ возможномъ выходѣ эскадры въ Сентябрѣ, по окончаніи починки судовъ.

Не мудрено, что постоянныя мои указанія адмираламъ въ чемъ состоитъ ихъ долгъ предъ Россіей, зародило въ нихъ ко мнѣ чувство недоброжелательное, близкое къ ненависти и смѣшанное съ ощущеніемъ какого-то паническаго страха, что душевная немощь ихъ какъ-нибудь откроется, тамъ далеко въ Россіи, гдѣ вполнѣ оцѣнятъ настойчивость ненавистнаго теперь имъ генерала Стесселя.

Боязнь, что я узнаю ихъ преступную рѣшимость свести на нѣтъ славные корабли нашего Тихоокеанскаго флота, что я выведу ихъ на свѣжую воду, побудила ихъ пойти на вѣроломный поступокъ.

Къ адмираламъ присоединился генералъ Смирновъ, солидарный съ ними во всѣхъ своихъ взглядахъ и поступкахъ, и одинаково съ ними оберегавшій свою особу.

Сознаніе своего малодушія и страхъ отвѣта побудили генерала Смирнова не только войти въ общеніе съ другими равноцѣнимыми съ нимъ героями морского вѣдомства, сплотиться съ ними, но и принять дѣятельное участіе въ томъ, что зародилось подъ вліяніемъ злобы и страха въ головахъ адмираловъ Лощинскаго и Григоровича и что вылилось въ такомъ преступномъ и вѣроломномъ фактѣ, какъ посылка Ножина изъ предѣловъ Артура для моего очерненія и обѣленія всѣхъ остальныхъ героевъ: знаменитаго Коменданта и талантливѣйшихъ моряковъ-героевъ, начальника

отдѣльнаго отряда броненосцевъ и крейсеровъ, имъ затопленныхъ сознательно подъ Перепелиной горой и начальника морской и минной обороны, еще въ Іюлѣ кричавшаго о сдачѣ и изъ страха японскихъ снарядовъ, спускающаго свой контръ-адмиральскій флагъ съ мачты той лодки, на которой онъ обиталъ.

Внимательно, даже талантливо выработавъ планъ, въ виду его особенной специфической важности, адмиралы уже не останавливались ни передъ чѣмъ, лишь бы только довести задуманное дѣло до конца.... И дѣйствительно они довели его до конца, не постѣснявшись для него пожертвовать даже лучшимъ миноносцемъ.

Наиболѣе рельефно преступная дѣятельность адмираловъ сказалась именно въ исторіи „спасенія Ножина отъ ареста, для чего былъ взорванъ миноносецъ „Расторопный", стоющій съ вооруженіемъ около 1.000,000 рублей.

Произошла вся эта исторія при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Отобравъ у Ножина корреспондентскій билетъ, я былъ убѣжденъ, что онъ захочетъ бѣжать изъ Артура и предупредилъ Коменданта, чтобы онъ никоимъ образомъ не выпускалъ бы его. Послѣ ряда приказаній, наконецъ я получилъ извѣстіе, что Ножинъ находится на одномъ изъ миноносцевъ. Тогда я немедленно послалъ жандармскаго ротмистра Познанскаго предупредить объ этомъ контръ-адмираловъ Григоровича и Лощинскаго. Послѣдній категорически заявилъ Познанскому, что Ножина у нихъ и не было.

Но въ это время какъ разъ явился капитанъ 2-го ранга Криницкій, сообщившій, что онъ только что съ „Сердитаго“ и видѣлъ тамъ Ножина. По моему настоянію былъ отданъ приказъ по флоту не принимать Ножина на суда, но Ножинъ какъ въ воду канулъ.

Познанскій его искалъ, но не нашелъ. Найти было мудрено, такъ какъ Ножинъ въ это время находился на канонеркѣ „Отважный“, на которой Лощинскій держалъ свой флагъ. Вывезли Ножина слѣдующимъ образомъ. 2-го ноября къ выходу въ море былъ назначенъ миноносецъ „Расторопный“ подъ начальствомъ лейтенанта Лепко; чтобы провезти на немъ Ножина пришлось лейтенанта Лепко замѣнить лейтенантомъ Пленомъ, который все время ранѣе былъ на сухопутныхъ позиціяхъ и потому приказа не зналъ.

Плену было приказано высадить Ножина въ Чифу, а *миноносецъ взорвать* (Лепко брался вернуть миноносецъ обратно цѣлымъ).

Изъ этого видно, съ какими помощниками мнѣ приходилось имѣть дѣло и какъ они понимали военную дисциплину и какъ относились они къ ввѣренному ихъ заботамъ народному имуществу.

Миноносецъ „Расторопный“, на которомъ былъ отправленъ Ножинъ, своею исправностью послужилъ не для того, чтобы нанести чувствительный вредъ нашимъ врагамъ японцамъ, но чтобы перевезти изъ Артура и разнести по всей землѣ тьму грязи, выливаемую и по сіе время.

Сослуживъ такую грязную службу, „Расторопный“ безславно погибъ, неиспользованный и не

смывшій съ себя позорнаго пятна предательства, будучи взорванъ случайнымъ, чуждымъ ему офицеромъ, послужившимъ покорнымъ орудіемъ Григоровичу, Лощинскому и Смирнову.

Занятый защитою Артура, я не подозрѣвалъ, конечно, о томъ, что собирается надъ моей головой и что угрожаетъ моей чести.

Послѣ взятія Высокой горы японцами я, видя полную бездѣятельность флота, обратился снова къ начальнику большихъ кораблей, адмиралу Вирену съ увѣщеваніями выйти изъ-подъ японскихъ снарядовъ, спокойно топящихъ какъ на смотру по одному и по два судна ежедневно.

„Послѣ занятія Высокой горы, писалъ я ему 25 ноября за № 2241, 23-го ноября и невыхода до этого числа эскадры въ море, я остаюсь при прежнемъ своемъ убѣжденіи, что съ момента занятія этой высоты непріятелемъ суда будутъ упразднены въ самомъ непродолжительномъ времени и погибнутъ въ бассейнахъ даромъ.

„По моему предложенію, еще во время устройства нами Высокой горы, адмиралы ходили на эту гору, но я не знаю, увѣрились ли они тогда, глядя сверху на бассейны, что ожидаетъ суда эскадры, если они останутся стоять, а гора будетъ занята. Теперь это совершилось и къ несчастью общее мнѣніе сухопутныхъ генераловъ грозно начинаетъ оправдываться. 22-го и 23-го ноября „Полтава“ и „Ретвизанъ“ уничтожены. Что же дальше? Боевой флотъ, на соединеніе съ которымъ идетъ эскадра Рожественскаго, погибнетъ какъ мишень въ лужахъ Портъ-Артурскихъ

бассейновъ. Милліоны погибнутъ, какъ въ томъ случаѣ, если бы эскадра потеряла суда въ бою съ противникомъ, такъ и теперь, будучи перебиваема по очереди въ бассейнахъ Артура; но, кромѣ милліоновъ, есть нѣчто важнѣе, въ первомъ случаѣ она не погибнетъ, во второмъ—вѣчный срамъ: въ первомъ случаѣ Рожественскій могъ бы получить хоть одинъ корабль, во второмъ — нуль. Мнѣніе сухопутныхъ начальниковъ всегда было за выходъ, а мое и за постоянную готовность къ бою эскадры. Японцы нынѣ обратятъ все свое вниманіе на скорѣйшее уничтоженіе судовъ, дабы ослабить силу Рожественскаго, т. е. не дать ему отсюда ни одного судна. Я, какъ старшій здѣсь начальникъ, считаю себя вправѣ, хотя мнѣ флотъ и не подчиненъ, требовать немедленнаго выхода нашей эскадры и прошу поставить меня въ извѣстность относительно дальнѣйшихъ плановъ эскадры".

На это послѣдовалъ отвѣтъ адмирала Вирена съ приложеніемъ протокола отъ *6-го августа* (отъ адмирала Вирена къ генералу Стесселю отъ 26 ноября за № 92) слѣдующаго содержанія:

„Выходъ эскадры 28 сего іюля для прорыва во Владивостокъ былъ предпринятъ по Высочайшему повелѣнію, переданному телеграммой Намѣстника Его Императорскаго Величества на Дальнемъ Востокѣ, хотя большинство адмираловъ и командировъ были того мнѣнія, что этотъ прорывъ невозможенъ, принимая во вниманіе превосходство силъ непріятеля, какъ по числу судовъ, числу орудій, такъ и отдѣльныхъ крейсерскихъ и минныхъ отрядовъ, большой скорости хода и большого разстоянія до Владивостока безъ нашихъ портовъ

по пути, а также необходимости прорваться черезъ непріятельскій проливъ у острова Цусимы.

Въ лучшемъ случаѣ наши суда, истративъ свои снаряды въ перемѣнныхъ бояхъ съ эскадренными броненесцами и при отраженіи ночныхъ минныхъ атакъ и подбитыя какъ эскадренный броненосецъ „Цесаревичъ“, искали бы убѣжища въ нейтральномъ порту и умерли бы для этой войны.

Едва-ли кто-либо дошелъ до Владивостока, такъ какъ самому быстроходному крейсеру „Новикъ“ при благопріятныхъ условіяхъ не удалось этого сдѣлать.

Вся наша эскадра была бы потеряна еще въ концѣ іюня въ то время, какъ японскій флотъ имѣлъ полную возможность, благодаря вышеуказаннымъ преимуществамъ и тому обстоятельству, что онъ, идя съ нами, параллельно шелъ къ своимъ портамъ, такъ вести бой, что никто изъ его кораблей не былъ бы выведенъ изъ строя, и какъ бы непріятельскія суда не были подбиты послѣ этихъ боевъ, японскій флотъ успѣлъ бы вполнѣ обновиться и поправиться до прихода эскадры адмирала Рожественскаго, который не могъ и не можетъ состояться раньше конца декабря, а вѣрнѣе Новаго года, т. е. встрѣтить его въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ теперь находится.

По возвращеніи части нашей эскадры въ Портъ-Артуръ послѣ боя 28-го іюля съ менѣе чѣмъ половиннымъ запасомъ снарядовъ и искалѣченными судами и многими разбитыми пушками,—эта задача, т. е. прорывъ во Владивостокъ, стала совершенно невозможной.

Черезъ нѣсколько дней по приходѣ эскадры начались августовскіе штурмы, въ которыхъ принималъ серьезное участіе десантъ, при чемъ погибло нѣсколько офицеровъ и много нижнихъ чиновъ.

Сабраніемъ флагмановъ и командировъ 6-го августа [1]) составленъ былъ протоколъ, копію котораго при семъ прилагаю.

[1]) А штурмы начались 8-го.

Согласно этого протокола было рѣшено помогать крѣпости всѣми средствами до послѣдней возможности, что нами до сего дня и было исполнено съ полнымъ стараніемъ и добросовѣстностью.

Всѣ орудія, которыя требовались на позиціи, давались съ судовъ и устанавливались, снаряды всѣхъ калибровъ постепенно почти всѣ израсходованы на береговыхъ батареяхъ для обороны крѣпости, чины отряда работаютъ всякій по своей спеціальности, для той же цѣли и принимали самое дѣятельное участіе, при отраженіи штурмовъ въ сентябрѣ на Высокой горѣ, въ октябрѣ и наконецъ въ ноябрѣ, на Курганной литера Б. и Высокой горѣ, гдѣ погибло такъ много офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Благодаря минной оборонѣ, всѣ приморскія батареи съ ихъ наиболѣе сильными орудіями были использованы для обороны берегового фронта, усиливъ его во много разъ.

До занятія Высокой горы, корабли чинились по возможности, но эскадрѣ адмирала Рожественскаго они могли бы помочь только по освобожденіи Портъ-Артура съ суши, когда бы намъ подвезли снаряды и дали бы возможность окончательно починиться.

Объ этомъ адмиралъ Рожественскій отлично знаетъ.

Теперь суда отряда затоплены непріятелемъ, но послѣ того какъ почти весь боевой матеріалъ, т. е. много орудій, всѣ снаряды, мины, прожекторы и личный составъ были использованы для обороны крѣпости [1]).

Команды и офицеры перебрались на берегъ, при чемъ комендоры работаютъ, какъ и раньше, въ лабораторіи, ими же пополняется убыль на батареяхъ; мине-

[1]) Здѣсь я долженъ сказать, что послѣднее не совсѣмъ такъ, корабли были затоплены со снарядами, которые и вытаскивались потомъ съ большимъ трудомъ водолазами въ ночное время и весьма неуспѣшно.

ры заняты выдѣлкой бомбочекъ и много машинистовъ отливаютъ и готовятъ снаряды и мины; остальная часть команды съ офицерами, около 500 человѣкъ, составятъ послѣдній резервъ и такимъ образомъ отрядъ до конца всѣми средствами и личнымъ составомъ поможетъ крѣпости обороняться противъ непріятеля.

Что касается до затопленныхъ судовъ, то приняты мѣры, чтобы цѣлыя еще орудія не достались бы трофеями непріятелю, если крѣпость падетъ.

Одинъ уцѣлѣвшій броненосецъ „Севастополь“, но не вполнѣ исправный, поставилъ на счастье у Бѣлаго Волка, гдѣ онъ конечно будетъ подвергаться миннымъ атакамъ и рискуетъ затонуть на рейдѣ, но хотя временно будетъ защищенъ отъ 11″ мортиръ [1]).

Конечно, горестно такъ потерять свой флотъ, но если Богъ намъ дастъ отстоять крѣпость до выручки съ суши, то я увѣренъ, что всѣ безпристрастные люди скажутъ, что безъ той помощи, которую далъ флотъ, Портъ-Артуръ былъ бы уже давно въ рукахъ непріятелей.

Раньше, чѣмъ заводить флотъ на Востокѣ, слѣдовало бы устроить крѣпость-убѣжище, такъ какъ не

[1]) Адмиралъ Вирен, стараясь выставить свои дѣйствія въ нѣсколько лучшемъ и иномъ свѣтѣ, совсѣмъ уклоняется отъ истины и приписываетъ себѣ самовольный выходъ „Севастополя“, состоявшійся исключительно по иниціативѣ капитана I ранга Эссена, которому было отказано команд. порта даже въ буксирахъ, вслѣдствіе чего выходъ „Севастополя“ былъ крайнѣ затруднителенъ. Забылъ, вѣроятно, также адмиралъ Вирен и о томъ, что когда Эссенъ умолялъ его дать ему уже ни къ чему ненужныя сѣти на затопленныхъ судахъ для устройства защитнаго сѣтоваго бона отъ японскихъ минныхъ атакъ, а возможность таковыхъ очень хорошо сознавалась адмираломъ Вирен, онъ все таки отказалъ Эссену въ помощи и людьми и сѣтями, и для устройства бона уже самыми примитивными способами, Эссенъ получилъ въ свое распоряженіе солдатъ отъ меня, а не отъ адмирала Вирена. Однако, какъ и во многомъ, у адмирала Вирена не хватило духа сознаться въ томъ, что дѣйствительно было и какую недостойную роль онъ сыгралъ во всей исторіи ухода „Севастополя“.

флотъ существуетъ для крѣпости, а крѣпость для флота, тогда отъ флота и можно требовать исполненія его прямого назначенія [1]).

Это еще сознавалъ нашъ Великій Императоръ Петръ, построивъ крѣпость Кронштадтъ, гдѣ въ офицерской караульной комнатѣ начертаны слѣдующія историческія слова Великаго Императора: „Оборону флота и сего мѣста хранить до послѣдней капли крови, какъ наиважнѣйшее дѣло".

Конечно, всякій флотъ строится, чтобы сражаться съ непріятельскимъ флотомъ, но чтобы онъ могъ это исполнить, ему необходимы порта-убѣжища, безъ которыхъ ни одинъ флотъ существовать и оперировать не можетъ.

Суда не киты.

И не знаю, гдѣ больше сраму, въ томъ ли, что флотъ погибъ, защищая свое убѣжище, т. е. часть русской земли, называемой твердыней, использовавъ для этого весь свой боевой матеріалъ и личный составъ, или въ томъ, что это убѣжище, твердыня оказалась такой ловушкой для флота, какую мы могли бы пожелать самому злѣйшему врагу".

Я отвѣтилъ Вирену, положивъ на отношеніи его слѣдующую резолюцію:

„Все высказанное здѣсь относительно малой пригодности артурской гавани я считаю вѣрнымъ, но не могу все-таки согласиться съ тѣмъ, что нашъ флотъ имѣлъ право не выходить, а замкнуться на закланіе въ бассейнахъ, когда сами же признаютъ эти бассейны ловушкой, что и вѣрно. Въ морскомъ бою съ противникомъ нельзя и предположить, чтобы весь флотъ погибъ, теперь

[1]) „Не крѣпость для флота и не флотъ для крѣпости, а то и другое для совмѣстной обороны государства".

же онъ погибнетъ весь, развѣ „Севастополь“ останется и именно потому, что вышелъ изъ бассейна. Относительно собранія флагмановъ и командировъ 6-го августа я поставленъ въ извѣстность только теперь, 26-го ноября; хотя, разумѣется, единогласное рѣшеніе спеціалистовъ морского дѣла значитъ много, но я все-таки не согласенъ, что было необходимо это сдѣлать, *такъ какъ рѣшеніе это есть рѣшеніе полнаго уничтоженія флота на якорь*. Разумѣется, средства флота помогли крѣпости, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но эскадра-то, обезоружившись по собственной волѣ, что сдѣлала? Обратилась въ суда, обреченныя на полную пассивность, а команда изъ матросовъ въ сухопутныхъ солдатъ; теперь уже возврата нѣтъ; теперь, безъ всякаго дѣленія всѣ—сухопутные воины, а потому, съ момента упраздненія судовъ, я считаю, что всѣ защитники, какъ дѣйствующіе на сухопутьи, должны составить гарнизонъ и всецѣло подчиниться сухопутному старшему начальнику, т. е. мнѣ. Прошу также дать свѣдѣнія о запасахъ продовольственныхъ, какъ бывшихъ на судахъ, такъ и въ порту“.

Послѣдняя моя законная просьба о запасахъ и матеріалахъ была оставлена адмираломъ Вирепомъ безъ отвѣта.

Какъ искажена дѣятельность моя морскими начальниками, такъ же подтасованы врагами моими цифры сдавшагося гарнизона.

Откуда явилась цифра въ 23 тыс. вмѣсто тѣхъ 10.000, которые, по моимъ словамъ, оставались къ 19-му на позиціи.

Постараюсь объяснить. Въ день сдачи крѣпости изъ госпиталей было выпущено нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ, которые пожелали вернуться въ части, чтобы идти съ товарищами въ плѣнъ, въ чемъ и оказали имъ полное содѣйствіе врачи Субботинъ, Ястребцовъ и Бунге, стремившіеся на родину. 3.000 человѣкъ изъ этихъ здоровыхъ вновь легли въ госпиталь, за исключеніемъ тѣхъ, которые за минутную вспышку бодрости поплатились жизнью.

Изъ остальныхъ 20.000 здоровыхъ, сдавшихся въ плѣнъ, 10.000 по свидѣтельству врачей Краснаго Креста (50%) было цынготныхъ и раненыхъ, не занимавшихъ госпитальную койку лишь потому, что такихъ коекъ не было больше въ госпиталяхъ. Наконецъ, 10.000 послѣднихъ здоровыхъ въ громадномъ большинствѣ по свидѣтельству тѣхъ же врачей нуждалось въ амбулаторномъ леченіи.

19 декабря 1904 года—по показанію очевидцевъ — резервы въ 50—60 человѣкъ шли, опираясь на палки, ружья, поддерживая другъ друга...

Что же—развѣ это не истощеніе силъ гарнизона при оборонѣ крѣпости, развѣ это люди, а не тѣни?..

Правды хочетъ общество и правды хочу я, не для личной выгоды, а для славы Артурскаго гарнизона, выполнившаго свой долгъ до конца.

Что же дѣлалъ Комендантъ крѣпости въ послѣдніе дни Артура, если даже онъ не пожелалъ лично присутствовать во время послѣдняго боя,

скрываясь на дачныхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ адмираломъ Виреномъ, если онъ, во имя самолюбія, не пріѣхалъ ко мнѣ съ совѣтомъ? Когда я послалъ парламентера, то позаботился ли онъ о здоровьи нижнихъ чиновъ, выпущенныхъ больными изъ госпиталей?

Онъ три раза объѣзжалъ войска, — правда изъ рядовъ этихъ войскъ слышались нелестные для него отзывы: кто этотъ генералъ, — мы его въ сраженіи не видали, — былъ даже такой случай, въ наивной простотѣ разсказанный апологетомъ генерала Смирнова, военнымъ судьею, генералъ-маіоромъ Костенко. Когда этотъ генералъ объѣзжалъ полки, то его солдаты приняли за Коменданта и спрашивали распоряженій,—но все это не могло помѣшать Коменданту хоть въ день сдачи быть полезнымъ Артуру. Глядя на измученныя лишеніями осады, ранами и цынгою — лица больныхъ героевъ Артура, Комендантъ ни однимъ словомъ не пріостановилъ наплывъ больныхъ и раненыхъ, строившихся для подсчета японцами числа плѣнныхъ. Онъ, который такъ много кричитъ о своемъ патріотизмѣ, сіяющій и веселый, радовался, что растетъ цифра сдавшагося гарнизона, и потиралъ отъ удовольствія руки! Что ему позоръ Россіи, когда явилась возможность раздуть огонь,—всему міру показать: „вотъ какъ сдался Стессель — съ цѣлою арміей". И злорадно подсчитывая число рядовъ, генералъ Смирновъ чувствовалъ, что настало время его торжества,—торжества интриги, обмана и доноса.

Я не объѣзжалъ войска,—мнѣ было больно, безвыходно тяжело,—но, еслибы я зналъ, что злоба генерала Смирнова перешагнетъ и черезъ этотъ предѣлъ—жизнь, здоровье войскъ,—я бы самъ явился къ палаткѣ, гдѣ пересчитывали плѣнныхъ, и выпилъ бы лучше чашу униженія до дна во имя спасенія жизни не только нѣсколькихъ тысячъ, но даже одного солдата. Но генералъ Смирновъ, чуждый гарнизону, считавшій жизнь солдатъ—„бѣгунцовъ и смердовъ“, какъ онъ говорилъ—за ничто,—бросилъ во имя личныхъ счетовъ со мною на чашу обвиненія—жизнь этихъ героевъ. Бѣдныя жертвы зависти и злобы, герои титанической борьбы, вы покоитесь на кладбищахъ Артура,—но будетъ время, когда предстанемъ мы на судъ Божій съ генераломъ Смирновымъ—вы явитесь тамъ свидѣтелями за меня—и скажете, во имя чего потеряли вы свою жизнь.

Отъ автора.

Имѣетъ ли Судъ нравственное право ограничиться лишь выясненіемъ вопроса: виновенъ ли генералъ Стессель, или невиновенъ? Можно сказать съ полной увѣренностью, что такая *форма* приговора, каковъ бы онъ ни былъ, не удовлетворитъ, не успокоитъ негодующаго чувства той части русскаго общества, которая еще помнитъ свою родину и высоко чтитъ доблесть своей арміи. А этой доблести грозитъ какой-то упорный процессъ внутренняго разложенія. Появились какія-то новообразованія, которыя никакъ, ни при какихъ условіяхъ, не могутъ сродниться съ основною тканью военнаго организма. И вотъ дѣло Суда, въ данномъ случаѣ, разобраться: не было ли такихъ разъѣдающихъ, гангренозныхъ элементовъ въ печальной эпопеѣ Артура и не ихъ ли разрушительная, истощающая работа является главною причиной роковой развязки?

Конечно, очень немудрено обвинить генерала Стесселя съ чисто формальной точки зрѣнія и предать дѣло забвенію; нѣкоторые, въ тайникахъ своихъ ничтожныхъ душонокъ, и лелѣютъ такія надежды. Съ другой стороны, тоже формальной, легко и оправдать, ибо безнадежность обороны совершенно очевидна и неопровержимо доказана:—роковой результатъ былъ неизбѣженъ. Разница была бы лишъ въ нѣсколькихъ тысячахъ безцѣльно, безсмысленно погубленныхъ жизней.

Но, повторяю, Судъ, ограничившись тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ, не выполнитъ своей великой обязанности передъ Родиной, всенародно засвидѣтельствуетъ о своемъ сухомъ, безчеловѣчномъ формализмѣ.

Неотразимо повелительно стоитъ передъ Судомъ задача: выпутать изо всѣхъ хитросплетеній лжи и клеветы и представить передъ обществомъ, во всемъ ея неприглядномъ, нечистоплотномъ видѣ, ту черную интригу, которая, взявъ непосредственнымъ объектомъ генерала Стесселя, въ сущности роковымъ образомъ направлена къ подрыву коренныхъ основъ военнаго дѣла.

Даже по тѣмъ крайне немногимъ фактическимъ даннымъ, которыя сдѣлались достояніемъ широкой публики, съ увѣренностью можно констатировать наличность этой интриги. Артурскую драму, въ общемъ, можно себѣ представить приблизительно такъ:

Во главѣ обороны, волею судьбы, остается генералъ Стессель. Комендантъ же крѣпости—генералъ Смирновъ, ближайшій помощникъ Главнаго Начальника, если вѣрить обвинительному акту, оказывается ему не подчиненнымъ. Мало того,—при желаніи можетъ даже генерала Стесселя считать подчиненнымъ себѣ... Въ лучшемъ случаѣ, генералъ Стессель могъ разсчитывать на благосклонную поддержку генерала Смирнова; но лишь при томъ условіи, что принятыя имъ мѣры удостоятся одобренія Коменданта.

Совершенно неизбѣжный результатъ всего этого—критическое и предвзятое отношеніе со

стороны Коменданта ко всякому распоряженію Главнаго Начальника обороны; а вслѣдъ за этимъ—глухое противодѣйствіе. Короче сказать,—между главными частями механизма обороны создалось такое треніе, при которомъ самая совершенная машина, рано или поздно, должна неизбѣжно стать. Не найдя, вѣроятно, болѣе серьезной почвы, антагонизмъ выливается въ нестерпимо-мелочныя формы на почвѣ личнаго, гаденькаго самолюбьица, отсюда ламентаціи по поводу мѣръ, принимаемыхъ генераломъ Стесселемъ противъ Вейканена, Ножина и т. п.; мѣръ, якобы подрывающихъ „авторитетъ“ Коменданта.

Еще большій абсурдъ представляютъ собою отношенія, возникшія между Главнымъ Начальникомъ обороны и весьма значительною частью гарнизона, состоявшею изъ чиновъ флота. Какъ это ни невѣроятно, но эта часть, въ лицѣ своихъ начальниковъ, отнюдь не считала себя подчиненною генералу Стесселю. Этотъ взглядъ раздѣлялся, повидимому, и Намѣстникомъ, который телеграммою въ довольно рѣзкой формѣ „считаетъ нужнымъ“ напомнить генералу Стесселю о томъ, что флотъ подчиненъ адмиралу Витгефту и долженъ дѣйствовать лишь по его усмотрѣнію. Морскіе начальники такъ и дѣйствуютъ. Они собираютъ свои совѣты, больше похожіе на „митинги протеста“, принимаютъ на нихъ самостоятельныя рѣшенія огромной важности, не считая даже нужнымъ хотя бы просто увѣдомить о нихъ Главнаго Начальника обороны. Такимъ, напримѣръ, рѣшеніемъ они безповоротно обрекаютъ

флотъ служить пассивною мишенью для 11″ японскихъ снарядовъ; они, совершенно игнорируя горячіе протесты генераля Стесселя, даютъ флоту безславно и безсмысленно погибнуть на глазахъ у всѣхъ; погибнуть не въ бою, а именно служа безотвѣтною мишенью для японцевъ. И ни малѣйшей попытки къ сопротивленію, никакого желанія нанести хоть какой-нибудь вредъ непріятелю, хоть немного ослабить его въ предстоящей ему борьбѣ со 2-ю эскадрою. Адмиралы систематически уклоняются отъ всякаго боя, предоставляя японцамъ упражняться въ стрѣльбѣ по оставленнымъ многомилліоннымъ кораблямъ... Чтобы устранить самую мысль о возможности активнаго участія флота въ бою, они, якобы для усиленія гарнизона, передаютъ орудія на береговыя батареи, а затѣмъ и судовыя команды отдаютъ въ распоряженіе сухопутной власти; но сдѣлавъ это, отдавъ „пушечное мясо“, они собственныя драгоцѣнныя особы водворяютъ въ „дачной мѣстности“ и однюдь не подчиняются генералу Стесселю. Ихъ увѣренность въ своей независимости доходитъ до того, что, напримѣръ, адмиралъ *Вирень позволяетъ себѣ оставить безъ отвѣта вопросъ генерала Стесселя о количествѣ остающихся на судахъ и въ портѣ запасахъ продовольствія.*

А время идетъ: громадный флотъ безсмысленно гибнетъ и преступная бездѣятельность адмираловъ съ каждымъ днемъ все ярче обрисовывается. Команды матросовъ съ молодыми офицерами молодецки бьются съ врагомъ; но увы—уже на сушѣ. Исполнилъ ли свой долгъ флотъ, какъ

таковой? Очевидно, что никоимъ образомъ не исполнилъ. Морской солдатъ, какъ и сухопутный, остался тѣмъ же доблестнымъ воиномъ, что

и всегда; но цѣлый рядъ колоссальныхъ, стоившихъ громадныхъ денегъ кораблей-крѣпостей, лучшихъ русскихъ броненосцевъ, былъ брошенъ на произволъ судьбы и безславно погибъ.

Такіе факты нельзя было объяснить иначе, какъ трусостью и преступнымъ уклоненіемъ отъ своего долга со стороны морского начальства. И вотъ сами адмиралы наконецъ поняли, что перешли всякія границы возможнаго и впадаютъ въ крайнее бозпокойство. Витаетъ передъ ними чисто шкурный вопросъ: какъ быть, что предпринять, чтобы спастись? Вѣдь Стессель, котораго они знать не хотѣли, все же отвѣтственень за общій ходъ обороны, а потому—неизбѣжно все выведетъ на чистую воду. Не пощадитъ. Со стороны Коменданта опасности нѣтъ,—это свой человѣкъ, также едва ли особенно желающій всесторонняго освѣщенія своихъ дѣйствій; да и всѣ его отношенія къ Начальнику обороны имѣютъ въ своей исходной точкѣ вражду и зависть. Но вотъ—Стессель? Мучительный вопросъ. Честнаго, законнаго выхода нѣтъ; надо поискать нечестнаго и незаконнаго. Во что бы то ни стало, а выходъ необходимъ.

И вотъ паническій шкурный страхъ заставляетъ забыть чувство долга и одна мысль безотвязно сверлитъ разгоряченный мозгъ: „чтобы избѣгнуть гибели самому, погуби врага; предупреди опасность, пока не поздно“. Зарождается роковая мысль: нельзя ли, пользуясь совершенною изолированностью крѣпости отъ внѣшняго міра, *пустить въ этотъ самый міръ такую клевету на Стесселя*, такъ очернить его въ общественномъ мнѣніи, чтобы ему было уже не до обвиненія другихъ, а давай Богъ только самому выйти цѣлымъ?

Оказывается,—вполнѣ возможно. Подвернулся нѣкій милостивый государь, корреспондентъ Ножинъ, котораго генералъ Стессель заподозрилъ въ сношеніи съ непріятелемъ и приказалъ арестовать. Человѣкъ вполнѣ подходящій и къ тому же врагъ генерала Стесселя; если ему гарантировать спасеніе и возможность бѣгства, то онъ, въ свою очередь, употребитъ весь свой искаріотскій талантъ на черное дѣло клеветы. Сказано, сдѣлано. Ножинъ вдругъ исчезаетъ, какъ въ воду канулъ; никакими стараніями жандармской полиціи его не удается найти. Это и вполнѣ понятно, ибо Ножинъ скрывается не въ какомъ иномъ мѣстѣ, какъ на суднѣ самого Начальника морской минной обороны, адмирала Лощинскаго. Этотъ доблестный адмиралъ, вмѣстѣ съ другимъ адмираломъ—Григоровичемъ, вырабатываютъ невѣроятный планъ, въ который вошли цѣлый рядъ обмановъ, внезапная смѣна офицеровъ и командира миноносца (лучшаго), уходъ Ножина на этомъ миноносцѣ въ Чифу и затѣмъ заранѣе обусловленный взрывъ этого миноносца. Вся эта грязная измѣна присягѣ, весь этотъ неслыханный въ русскомъ флотѣ позоръ можетъ быть подтвержденъ документально, и долженъ быть во что бы то ни стало выясненъ на судѣ.

Результаты этой интриги извѣстны всѣмъ. Ловко пущенная клевета пошла катиться по бѣлу свѣту, разрастаясь, какъ снѣжный комъ. И разрослась до чудовищныхъ размѣровъ, превзошедшихъ всякія ожиданія, благодаря ловко по-

добранной кликѣ разныхъ истеричныхъ, почтенныхъ, полупочтенныхъ и отнюдь не почтенныхъ публицистовъ.

Всѣ вышеприведенные факты до нельзя отягощали и безъ того непосильную борьбу съ японцами, безусловно не позволяя генералу Стесселю направить всю свою энергію на оборону крѣпости. Онъ, повидимому, ведя безпримѣрную борьбу съ врагомъ внѣшнимъ, вынужденъ былъ почти съ такою же энергіей отстаивать свою власть и передъ своими внутренними врагами. Пока живъ былъ честный доблестный Кондратенко, борьба была возможна; послѣ его смерти генералъ Стессель почувствовалъ полное почти одиночество.

Кондратенко тоже сознавалъ, что не будь Стесселя, и ему и всему лучшему въ крѣпости не дали бы ходу. Послѣ того, какъ генералъ Стессель былъ раненъ, онъ сказалъ полк. Ирману: „нужно беречь Стесселя, если его не будетъ, поднимутся всѣ темныя силы, которыя онъ теперь сдерживаетъ".

Впереди никакого просвѣта, ни малѣйшей надежды: гибель неизбѣжна—теперь ли, или черезъ двѣ недѣли—не все ли равно? А люди умираютъ безъ всякаго смысла, да какіе люди, изъ которыхъ послѣдній рядовой достоинъ былъ лавроваго вѣнка героя. И генералъ Стессель рѣшаетъ сдаться. Рѣшаетъ единолично. А большинство пользуется „сею вѣрной оказіей", чтобы сложить съ себя всю вину на Стесселя: *„будьте, молъ, господа хорошіе, свидѣтелями — мы не хотѣли сдаваться, а это все—онъ"*.

Положеніе полное глубочайшаго трагизма. Людямъ, которые не устаютъ кричать, что Стессель—трусъ, я предложу подумать о слѣдующемъ. Если генералъ Стессель дѣйствительно былъ таковъ, какимъ они хотятъ его изобразить, то не проще ли всего было ему, сославшись на мнѣніе Военнаго Совѣта, оставить событія идти своимъ чередомъ, а самому укрыться на одну—двѣ недѣли въ безопасномъ мѣстѣ... Ну хотя бы въ той же „дачной мѣстности", что ли, или на Ляотешанѣ? Мнѣ кажется, что именно такою должна была быть психологія дѣйствительнаго труса. Вѣдь генералъ Стессель не могъ, разумѣется, не знать, какую страшную вину беретъ онъ на себя, незаконно принимая единоличное рѣшеніе; а между тѣмъ онъ это дѣлаетъ. Почему же это? Да потому, что для него несравненно тяжелѣе нравственная отвѣтственность за жизнь тысячъ истощенныхъ, больныхъ героевъ, долженствующихъ безсмысленно, какъ на бойнѣ, погибнуть, а также потому, что для него, генерала Стесселя, не нужна картина юридическаго подлога, купленнаго цѣною солдатскихъ жизней,—онъ, конечно, зналъ, что безопаснѣе было бы, бросивъ на смерть, на послѣднюю вылазку, остатки гарнизона, самому выѣхать —послѣ безнадежной рѣзни изъ Ляотешана—съ чинами Штаба—съ бѣлымъ флагомъ, — но онъ смѣло можетъ сказать своимъ врагамъ, что: „такой позорною цѣною я вашей славы не куплю".

В. Руадзе.

Въ вышеприведенномъ письмѣ*) генералъ Кондратенко пророчески говоритъ, что въ настоящее время, пока Артуръ еще держится, необходимо немедленно заключить миръ, такъ какъ кампанія генераломъ Куропаткинымъ проиграна безповоротно. Это письмо закрываетъ ротъ тѣмъ, которые, учитывая послѣдніе дни Портъ-Артура, говорятъ, что продержись Портъ-Артуръ долѣе, вся кампанія была бы другая. Трагизмъ генерала Стесселя заключался въ томъ, что исполнить желаніе Кондратенко и всеподданнѣйше, какъ генералъ-адъютантъ, донести объ этомъ Государю Императору—онъ не могъ, такъ какъ не зналъ совершенно о положеніи дѣлъ въ Манчжуріи, и вмѣстѣ со всею Россіею вѣрилъ въ мощь русскаго оружія и геній генерала Куропаткина, который, вмѣстѣ съ генераломъ Линевичемъ, даже послѣ Мукдена просили продолжать войну.

Письмо артурца **).

Генералъ Стессель! Съ этимъ именемъ, съ которымъ столько было соединено великихъ страницъ военной исторіи, которое заставляло биться гордостью русское сердце, теперь соединяютъ столько грязныхъ повѣствованій, столько унизительныхъ, для народнаго самолюбія, разсказовъ! И звѣрь-то онъ, и трусъ, и—страшно написать это слово—воръ, и полководецъ-то никуда негодный, и солдатъ плохой.

Слушаютъ это артурцы, сердце обливается кровью, стучатъ они въ редакціи газетъ, „помѣстите, что это неправда“. А въ редакціяхъ съ улыбкой говорятъ: ничего идущаго въ разрѣзъ съ установившимся мнѣніемъ о генералѣ Стесселѣ, мы помѣстить не можемъ. И выросла, словно въ сказкѣ, стѣна между правдой и ложью, и то, что называютъ ложью, обнаглѣвшіе публицисты стали называть правдою, и вынесли на рынокъ свою клевету, и загрязнили честное имя, и въ грязь втоптали все, чѣмъ гордились мы въ прошлую войну... А молва пошла дальше и тамъ, за предѣлами родины, чужіе, слушая, какъ въ Россіи унижали своего генерала, стали повторять за ними ихъ отзывы, не вѣря, чтобы такъ легкомысленно можно было относиться къ своей славѣ,

И имя артурцевъ, высоко стоявшее въ дни кровавыхъ штурмовъ, стало блѣднѣть, и завистливые къ славѣ русской многіе инородцы—не стѣсняются хвататься грязными руками за русское знамя, осмѣливаются бросать нареканія на, признанное всѣмъ міромъ, прославленное мужество русскаго солдата и офицера.

---

*) Взято письмо это изъ „Лѣтописи Войны“ за 1905 годъ.

**) Письмо это мнѣ было прислано за два дня до выхода въ свѣтъ брошюры однимъ изъ участниковъ обороны Артура и въ виду его глубокаго интереса, я почелъ своимъ долгомъ помѣстить его.
Авторъ.

А печать молчитъ, радуется каждой новой клеветѣ на генерала Стесселя.

Если то, что я говорилъ неправда, то пусть отвѣтятъ мнѣ русскія періодическія изданія, начиная съ полуофиціознаго „Русскаго Инвалида“ и кончая ежемѣсячнымъ журналомъ „Русская Мысль“, „не отсылали ли они замѣтокъ артурцевъ, съ циничнымъ объясненіемъ: написанное въ пользу генерала Стесселя помѣстить не можемъ“.

Генералъ Стессель въ Портъ-Артурѣ не былъ затворникомъ, блиндажнымъ жителемъ, лицомъ, которое нужно было бы искать, чтобы добиться у него аудіенціи. Это хорошо извѣстно всѣмъ. Пусть мнѣ назовутъ хоть одинъ часъ, когда генералъ Стессель, въ минуту бомбардировокъ города, позволилъ себѣ войти въ помѣщеніе блиндажа. Сознавая себя отвѣтственнымъ начальникомъ, съ цѣлью подать примѣръ презрѣнія къ опасности смерти, онъ жилъ въ домѣ, высоко поднимавшемся надъ другими домами въ Портъ-Артурѣ, окна котораго были ярко освѣщены по ночамъ, что могутъ засвидѣтельствовать Комендантъ Крѣпости генералъ Смирновъ и корреспондентъ Ножинъ.

И онъ жилъ въ этомъ домѣ, пока непріятель не сталъ пристрѣливаться 11 дюйм. снарядами къ его жилищу, пока одна изъ бомбъ не попала въ одну изъ построекъ двора генерала Стесселя.

Тогда онъ переселился въ часть города, примыкающую къ атакованному же фронту праваго фланга,—и настолько близко отъ позиціи, что ему, генералу Стесселю, не приходилось взбираться на гору, какъ Коменданту Смирнову, чтобы увидѣть сраженіе (на гору, около дома Коменданта), а непосредственно, послѣдній бой былъ видѣнъ съ балкона новой квартиры генерала Стесселя *).

Всегда спокойный, съ открытымъ смѣлымъ лицомъ, мед-

---

*) Корреспондентъ Ножинъ позволяетъ себѣ иронизировать: попала всего одна бомба—это 11 дюймовая-то,—и та на дворъ!

Такъ говоритъ человѣкъ, котораго только потому и отправили на миноносцѣ въ Чифу, что онъ опасался попасть, какъ бывшій офицеръ, на позиціи, *гдѣ убьютъ*, и потому бѣжалъ... И вотъ—человѣкъ, такъ относящійся къ слову позиція, на протяженіи трехъ томовъ щедро надѣляетъ эпитетами — трусы — защитниковъ, проведшихъ нѣсколько мѣсяцевъ на позиціи, и еще осмѣливается упоминать слово долгъ.

Съ улыбкой читаютъ Артурцы описаніе Ножинымъ („Конецъ осады Портъ-Артура“ стр. 28) восхожденія Коменданта Смирнова и военнаго судьи генерала Костенко на Опасную гору, названную такъ въ мирное время и получившую въ военное наименованіе безопасной.

Комендантъ зоветъ генерала Костенко на Опасную гору, „предупреждая, что придется идти по дорогѣ, обстрѣливаемой ружейнымъ и орудійнымъ огнемъ. .... Идутъ на разстояніи 15 шаговъ... Путь былъ продолжительный и опасный. ...Проходя открытымъ мѣстомъ невольно ускорили шагъ... Очутившись въ блиндажной

ленно, верхомъ на лошади, въ сопровожденіи конныхъ вѣстовыхъ, объѣзжалъ онъ позиціи. Шла ли бомбардировка, штурмовали ли форты, генералъ Стессель никогда не увеличивалъ шагу своей лошади. Онъ былъ спокоенъ и спокойствіе его передавалось гарнизону. Чтобы не быть голословнымъ, я сошлюсь на свидѣтеля, ну, хотя-бы... на г. Ножина; напр., онъ самъ, театрально описывая поѣздку генерала Смирнова съ генераломъ Стесселемъ на 2 фортъ, — повѣствуетъ, что генералъ Стессель выѣхалъ рано, чтобы не попасть подъ снаряды, а Комендантъ позже. Комендантъ поѣхалъ рысью,— по дорогѣ онъ обогналъ генерала Стесселя, который медленно подвигался ко 2 форту. Комендантъ ждалъ болѣе часу,— начался артурскій уже день—съ его сюрпризами, бомбами и пулями, а генералъ, котораго окрестилъ г. Ножинъ трусомъ, слѣдуя своей привычкѣ, на пути къ форту—и какому форту—второму, ѣхалъ медленно, всѣхъ останавливая на пути и разспрашивая о дѣлахъ на позиціи.

Онъ зналъ офицеровъ, рѣдко кого не называлъ по имени и отчеству. Встрѣтитъ, разспроситъ про позицію и обязательно перечислитъ всѣхъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ встрѣтившимся сидятъ на позиціи, и передастъ имъ поклоны.

„Офицеръ придетъ на позицію и сейчасъ же передаетъ,— „ѣхалъ Стессель, веселый, должно быть хорошо дѣла идутъ и въ крѣпости и на театрѣ войны". Стессель, да это имя все время было на устахъ защитниковъ Портъ-Артура! Стессель распорядился! Стессель поѣхалъ! Стессель самъ сообщаетъ, самъ вѣритъ полученнымъ вѣстямъ!..

И на позиціяхъ бывалъ онъ такой же спокойный, съ тѣмъ

постройкѣ, почувствовали себя въ относительной безопасности... Генералъ Костенко едва отдышался"..

Невольно вспоминается стихотвореніе гр. Алексѣя Толстого:

„Въ мѣшкѣ не спрячешь шила,
Васъ выдалъ рѣчи звукъ"...

Но дальше уже нельзя сказать словами поэта:

„Пленковичъ ты, Чуррило,
А ты—Степанычъ Дюкъ...

Такъ какъ вовсе не о богатыряхъ тутъ идетъ рѣчь.

Послѣ такихъ описаній — экспертомъ для опредѣленія храбрости г-на Ножина не позовутъ, и съ улыбкой читается его хвастовство въ томъ мѣстѣ книги („Конецъ осады Портъ-Артура" стр. 22), гдѣ онъ, опровергая сообщеніе въ Михайловской Артиллерійской Академіи капитана Х., заявившаго, что большинство на позиціяхъ генерала Смирнова не видало, патетически съ апломбомъ восклицаетъ: „Я лично сопровождалъ ген. Смирнова въ поѣздкахъ по атакованному фронту, *мы посѣтили его въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ*".

Ножинъ и капитанъ Ясенскій, — бѣглецъ изъ страха попасть на позицію, въ Чифу,—и офицеръ, отстоявшій, вмѣстѣ съ лейтенантомъ Подгурскимъ Высокую гору..

Сопоставленіе невольно напрашивающееся на выводъ: „кому изъ нихъ по вопросу объ оборонѣ крѣпости Портъ-Артуръ — можно повѣрить...

же открытымъ лицомъ, съ тою же простою откровенною солдатскою рѣчью. Помню 3 августа... „Вотъ, братцы, говоритъ онъ солдатамъ, прислали мнѣ японцы ультиматумъ: крѣпость, говорятъ, сдай мнѣ! Ну а я пишу, форты есть, снаряды есть, вы у меня—молодцы, долгъ запрещаетъ, присяга не велитъ.

Все это, братцы, изложилъ, да сомнѣніе взяло—а ну какъ азіаты не поймутъ?

Такъ я, братцы, для ясности, нарисовалъ имъ на бумагѣ шишъ!“

Громкій хохотъ солдатъ и веселыя шутки надъ японцемъ долго, послѣ отъѣзда генерала, раздавались на позиціи,—а надъ Артуромъ росла грозная туча страшнаго штурма, августовскаго,—которымъ японцы хотѣли сразу покончить съ Портъ-Артуромъ и который солдаты, ободренные, гдѣ шуткой, гдѣ рѣчью генерала Стесселя, объѣхавшаго за день до штурма буквально всѣ позиціи, встрѣтили съ поразительнымъ спокойствіемъ.

А вотъ стоитъ онъ съ задумчивымъ лицомъ, также передъ штурмомъ, и смотритъ на блиндажную постройку русскихъ инженеровъ. Доски въ дюймъ, сверху землицы немного, стѣнки еле защищены насыпью, — передъ нимъ понурыя головы стрѣлковъ.

— А что, братецъ, — внезапно обращается генералъ къ одному изъ угрюмыхъ стрѣлковъ, — постройка-то эта тебя отъ солнца защищаетъ?

Помню я, какъ повеселѣли лица солдатъ, смотрятъ на генерала, ѣдятъ глазами... Дрогнулъ голосъ у генерала, слезы чувствуются въ голосѣ, но ободряюще дѣйствуетъ его голосъ. „А я ихъ знаю, они будутъ стоять и здѣсь, и умирать будутъ, а вы ихъ послѣ, — теперь поздно, а когда штурмъ пройдетъ,—защитите“.

— Будете здѣсь стоять, братцы?

— Такъ точно, гремитъ въ отвѣтъ.—И ужъ не тѣ стрѣлки,—лица сіяютъ, рѣшимость видна... а имъ смотритъ въ глаза смерть.

Не было преграды между нимъ и офицеромъ,—не было преграды между нимъ и солдатами.—*Грозный по силѣ воли*, какъ человѣкъ—это съ сердцемъ, безконечно добрымъ и открытымъ.

Всѣ съ удивленіемъ читали приказъ генерала,—„если кто что полезное хочетъ мнѣ посовѣтовать, пускай идетъ и говоритъ“. Помнятъ это всѣ въ Портъ-Артурѣ, а въ особенности это хорошо долженъ помнить капитанъ Гоббята, чьи замѣчанія по поводу Кинчжоускаго боя генералъ принялъ съ благодарностью, объявивъ ихъ въ приказѣ.

Будилъ генералъ силу въ Портъ-Артурѣ, и поднималась она и шла къ генералу Стесселю, въ немъ одномъ находя опору, начиная съ Романа Исидоровича Кондратенко, инженера полковника Рашевскаго, капитана Рѣзанова, поручика Фролова, генералъ-маіора Ирмана, лейтенанта Подгурскаго,

генералъ-маіора Семенова, полковника пограничной стражи Бутусова, и много, много героевъ, ставшихъ извѣстными въ Портъ-Артурѣ, властно поддержаны его рукою.

А Комендантъ крѣпости, генералъ Смирновъ?

Развѣ не обливается кровью сердце артурцевъ, какъ руками, то генерала Костенко, то Ножина, хочетъ сорвать онъ лавровый вѣнокъ съ гроба Романа Исидоровича Кондратенко.

Вы не вѣрите, что совершается такое святотатство,— я вамъ приведу выдержку изъ послѣдняго тома Ножина, гдѣ приведена послѣдняя бесѣда генерала Смирнова съ генераломъ Кондратенко, за нѣсколько часовъ до смерти послѣдняго.

Генералъ Смирновъ, обращаясь къ генералу Кондратенко („Конецъ Осады Портъ-Артура“ (стр. 204), говорилъ: „Бѣда въ томъ, что Романъ Исидоровичъ, порой увлекаясь, проводитъ черезъ генерала Стесселя то, что считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ“. И на это будто бы военный геній артура отвѣтилъ покаянными словами: „Да, Ваше Превосходительство, былъ грѣхъ, и я, жестоко поплатившись, никогда не рѣшусь брать на себя отвѣтственность въ томъ, на что не было Вашего согласія, противъ чего Вы возставали...“

Подобными разсказами, генералъ Смирновъ хочетъ доказать міру, что онъ былъ тѣмъ, чѣмъ былъ генералъ Кондратенко, и умалить, унизить покойнаго... Но кто повѣритъ разсказамъ, толкающимъ съ пьедестала нашу гордость, нашу славу, нашего безсмертнаго героя Романа Исидоровича Кондратенко. Но не было бы Стесселя,—и не былъ бы Кондратенко тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ Портъ-Артурѣ.

Пріѣхалъ Комендантъ, зоветъ Романа Исидоровича Кондратенко и говоритъ ему, сперва въ шутливой формѣ: „Вы кончили двѣ академіи инженернаго и генеральнаго штаба, я генеральнаго штаба и артиллерійскую. Строить форты въ Артурѣ ужъ поздно, надо стрѣлять, — это моя спеціальность,—а вы генералъ, тутъ тонъ изъ шутливаго перешелъ въ начальническій, — займитесь своею дивизіей, которую Вы совершенно не знаете“.

Узналъ генералъ Стессель, зоветъ обоихъ, и говоритъ: Вы, Романъ Исидоровичъ, конечно, будете по прежнему помогать и Коменданту въ постройкѣ укрѣпленій? Не такъ ли?“ Кондратенко, конечно, отвѣтилъ согласіемъ, а Коменданту осталось только повиноваться *).

Генералъ Стессель любилъ правду, — онъ былъ первый,

*) Любопытно, что генералу Кондратенко генераломъ Смирновымъ предъявлены также обвиненія:—„онъ очистилъ преждевременно горы Плоскую и Дивизіонную („Конецъ Осады Портъ-Артура“, стр. 127).

„Когда Смирновъ напомнилъ объ этомъ Роману Исидоровичу, послѣдній сказалъ: „виноватъ, Ваше Превосходительство, виноватъ, не понялъ, напуталъ!“

Любопытно, что и другого героя, ген. Ирмана, Ножинъ также сводитъ на нѣтъ, Кондратенко говоритъ, будто бы, во время взятія

который провозгласилъ въ Портъ-Артурѣ тостъ за героевъ Портъ-Артура—зауряд-прапорщиковъ.

Солдаты знали любовь генерала къ правдивому заявленію и не боялись, даже лично, приходить къ генералу со своими просьбами.

Взяли въ Портъ-Артурѣ на 2-й фортъ младшаго офицера, бывшаго въ центрѣ начальникомъ охотничьей команды. Офицеру не хотѣлось разставаться съ солдатами, а солдаты загрустили объ офицерѣ.

— Ничего, братцы, не подѣлаешь,—говорилъ офицеръ.

— А можетъ быть и можно, Ваше Благородіе,—замѣтилъ одинъ солдатъ.

Офицеръ разсмѣялся.—Ну, говоритъ, братецъ, чтожъ, окажи протекцію.

Вечеромъ въ квартиру генералъ-адъютанта явился солдатъ и смѣло заявилъ просьбу объ оставленіи имъ, на позиціи, офицера.

Зная, что фортъ 2 есть мѣсто смерти и заподозривъ обманъ, генералъ Стессель сказалъ:

— Такъ вы, братцы, такъ любите офицера, что и разставаться не хотите.

— Такъ точно,—отвѣчаетъ стрѣлокъ.

— Ну, такъ идите съ нимъ на 2-й фортъ.

— Да мы, Ваше Превосходительство съ радостью,—воскликнулъ солдатъ.

Тронутый привязанностью стрѣлка къ своему офицеру, генералъ отпустилъ его, со словами: „Поди скажи офицеру, что я оставляю его вамъ, а на 2-й фортъ пошлю другого".

А вотъ приказъ генерала за № 814, который лучше всякихъ доказательствъ говоритъ, какъ любилъ солдатъ генералъ Стессель.

японцами Высокой горы: „Ирманъ окончательно растерялся и положительно ничего не соображаетъ". (Стр. 125).

Стр. 85. „ Комендантъ ген. Смирновъ, выслушавъ предложеніе Ирмана снять орудія съ Высокой горы, расхохотался, и поучаетъ храбрѣйшаго изъ храбрыхъ, да при томъ еще артиллериста: „Пушки установлены для того, чтобы изъ нихъ стрѣлять".

Стр. 43. „Генералъ Ирманъ, иронизируетъ Ножинъ, помнитъ, какъ Смирновъ распоряжался въ Артурѣ, отказавъ ему въ выдачѣ 50 маузеровъ, которые онъ захотѣлъ закопать въ брустверѣ окоповъ на Высокой горѣ, и ими (въ слѣпую, какъ изъ кривого ружья) поражать внизу сидящихъ японцевъ, и выдалъ ему 500 шрапнелей отъ орудій Барановскаго, вмѣсто 5.000, которыми онъ рѣшилъ обороняться какъ ручными бомбочками, чтобы поражать сидящихъ на верху горы японцевъ".

Зато о Комендантѣ Ножинъ говоритъ такъ: „Отъ проницывающаго на 3 аршина въ землю его, Смирнова, взора, ничего не ускользало". („Конецъ Осады Портъ-Артура", стр. 45)

Стр. 44. „ Комендантъ, что разъ говорилъ, онъ зналъ, что говорилъ..." Словомъ, всѣ ошибались,—не ошибался только ген. Смирновъ,—а славу его присвоили себѣ генералы Кондратенко, Ирманъ и Стессель.

„26 В.-С. Стрѣлковаго полка, 4 роты, Егоръ Третьяковъ убитъ на укрѣпленіи № 3, вчера, 31 октября с. г.

Я помню Егора Третьякова; онъ бѣжалъ изъ своего Звенигородскаго полка, пробрался въ Артуръ, и за побѣгъ изъ полка былъ переведенъ въ разрядъ штрафованныхъ; я недовѣрчиво отнесся къ его заявленію о томъ, что онъ, желая драться, убѣжалъ.

Служба его, полная отваги, показала, что онъ говоритъ правду; штрафъ ему былъ прощенъ; командиръ полка, полковникъ Семеновъ, уже представилъ его къ георгіевскому кресту и, разумѣется, онъ бы, по заслугамъ, носилъ его, но Богъ распорядился иначе; вчера, 31 октября, на укрѣпленіи № 3, вражеская пуля уложила молодца на мѣстѣ.

Царство тебѣ небесное, герой Егоръ Третьяковъ, объ упокоѣ души твоей будемъ молиться Богу, а грѣхи человѣка ты искупилъ своей геройской смертью. По предоставленной мнѣ Высочайше власти, я пожаловалъ тебя, еще 30 октября, знакомъ отличія Военнаго Ордена 4 степени, но ты объ этомъ не узналъ. Родные и родина будутъ тебя чтить, а славные звенигородцы простятъ твой поступокъ, за тебя я прошу у нихъ прощенія.

Генералъ-адъютантъ Стессель.“

Читая этотъ приказъ, прослезился даже г. Ножинъ, правда, на одно мгновеніе, чтобы потомъ вновь приняться за искаженіе обороны Портъ-Артура.

Да, такимъ языкомъ не могъ говорить человѣкъ-зрѣрь!

Въ Портъ-Артурѣ былъ Военный Судъ, — были произносимы смертные приговоры. Утвердилъ ли генералъ Стессель хоть одинъ приговоръ?

Въ наше время, въ мѣстностяхъ на военномъ положеніи— не на осадномъ, а на военномъ только—на разстояніи сутокъ, много двухъ, отъ Петербурга—отмѣняется часто кассаціонное производство, торопятся исполненіемъ страшнаго приговора.

Воспользовался ли генералъ Стессель правомъ, предоставленнымъ ему закономъ, отмѣнять кассаціонное производство,—задержалъ ли онъ хоть одну кассаціонную жалобу.

Нѣтъ, ставя правду выше всего — онъ не отмѣнялъ кассаціонное производство и не утвердилъ ни одного смертнаго приговора.

Объ этомъ молчатъ враги, а вотъ о случаѣ съ инженернымъ десятникомъ гремятъ во всѣ трубы.

Инженерный десятникъ, вопреки приказанія генерала Стесселя, скрытно держалъ, у себя на квартирѣ, японскую подданную. Когда дѣло открылось, генералъ, сгоряча, кричалъ, чтобы повѣсить виновнаго,—но потомъ смягчился, японку выслалъ, а виновнаго послалъ на позицію, заслужить свой проступокъ.

Инженерный десятникъ умеръ героемъ, сражаясь съ японцами.

Читая, какъ возмущается г. Ножинъ, я крайне поражаюсь,

неужели можно серьезно, не будучи ослѣпленнымъ злобою, обвинять генерала Стесселя за то, что онъ хотѣлъ со всею строгостью поступить съ инженернымъ десятникомъ, имѣющимъ допускъ на форты, за сокрытіе японки. Надо помнить, что японскія женщины, въ порывѣ энтузіазма, всѣмъ жертвовали на военныя нужды, и стыдъ тому коменданту, позоръ вѣчный тому начальнику, который, ради сантиментальности, легкомысленно посмотрѣлъ бы на такой романъ, и оставилъ подданную воюющаго государства жить вмѣстѣ съ инженернымъ десятникомъ, послѣ того, какъ послѣдній преступно скрылъ ее отъ глазъ начальства.

Доброта генерала Стесселя не ограничивалась оказаніемъ милосердія преступникамъ: его домъ былъ убѣжищемъ для дѣтей, оставшихся сиротами въ Портъ-Артурѣ. Онъ привезъ ихъ въ Россію и воспитываетъ ихъ и теперь.

Говорятъ—онъ корыстолюбивъ,—нажилъ деньги въ Портъ-Артурѣ.

И это говорятъ открыто тѣ, которые знаютъ, что двери дома генерала Стесселя были открыты для всего гарнизона, что гостепріимный хозяинъ тратилъ весь свой достатокъ на то, чтобы въ страдные дни Портъ-Артура обогрѣть пришедшихъ съ позиціи, угостить ихъ обѣдомъ.

Онъ бралъ въ Портъ-Артурѣ—*но что онъ бралъ*, — пусть выходятъ обвинители, и не за спиной корреспондентовъ—Ножина и Купчинскаго, а прямо скажутъ, что взялъ онъ въ Портъ-Артурѣ.

Эти сплетни о продажѣ свиней, куръ, молока, не пощадившіе даже женщину, М-ме Стессель, пущенные въ свѣтъ грязными подонками Портъ-Артура, — пусть они найдутъ, наконецъ, себѣ форму, пусть изъ-за тайныхъ кулисъ выползутъ, наконецъ, эти распространители насквилей и покажутъ міру свое лицо, чтобы знали, что они говорятъ объ опредѣленномъ фактѣ, а не о грязной, постыдной сплетнѣ, пусть, если это офицеры, они покажутъ арміи свои мундиры. И пусть кстати назовутъ домъ, купленный генераломъ Стесселемъ, пусть разскажутъ, сколько ящиковъ вывезъ онъ изъ Портъ-Артура и что въ этихъ ящикахъ лежало.

Генералъ Стессель обманщикъ, онъ и раненъ не былъ.

Когда генералъ Стессель ѣхалъ изъ Портъ-Артура, то, выходя въ портахъ, онъ надѣвалъ на голову себѣ повязку, такъ инсинуировали враги его, добавляя, что притворялся и генералъ Савицкій, картинно раскидываясь на палубѣ парохода, какъ бы страдая отъ ранъ.

И вотъ пріѣхалъ генералъ Савицкій, и умеръ отъ полученныхъ ранъ въ Портъ-Артурѣ, а генералъ Стессель, получившій контузію въ голову на позиціи, въ крѣпости, полгода пролежалъ больной послѣ пріѣзда въ Россію отъ удара, успѣвъ, однако, получить отъ Александровскаго Комитета о раненыхъ, путемъ печати, упрекъ, что обращался за пособіемъ въ Комитетъ.

Правда, г. Оношковичъ-Яцына объяснилъ отказъ потомъ причинами, не имѣющими связи съ богатствами генерала Стесселя, но отказъ остался отказомъ,—и генералъ — участникъ двухъ кампаній, два раза раненый, вмѣсто пособія—можетъ быть по причинамъ и не зависящимъ отъ Александровскаго Комитета о раненыхъ, сдѣлался мишенью глумленія печати.

Лишенный помощи Комитета, „Крезъ"—такъ думали враги, очутился въ такомъ тяжеломъ положеніи, что принужденъ былъ прибѣгнуть къ Монаршему милосердію, прося о назначеніи ему пособія до суда, такъ какъ, уволенный въ отставку—генералъ Стессель, пенсіи не получаетъ никакой *).

Въ силу Высочайшаго повелѣнія генералъ Стессель получаетъ теперь 115 рублей въ мѣсяцъ.

А враги все еще продолжаютъ высчитывать, сколько денегъ въ карманѣ еще осталось у генерала Стесселя.

Сперва Бригадный генералъ, потомъ Комендантъ Портъ-Артура и Начальникъ укрѣпленнаго раіона, онъ жилъ на виду у всѣхъ, пусть же укажутъ источники его капиталовъ, и не грязной ссылкой на сплетни и слухи, но указаніемъ на фактическія данныя?!..

Пусть укажутъ... но развѣ можно говорить объ основаніяхъ обвиненія, когда пишущему эти строки для того, чтобы напомнить врагамъ генерала Стесселя о справедливости, приходится—стыдно сказать—брать въ руки книги иностраннаго автора.

„Итогъ японскихъ потерь, говоритъ Норригардъ („Великая Осада", стр. 260), достигаетъ 105.000, включая раненыхъ и убитыхъ, а общая численность осаждающей арміи, во время капитуляціи была 97.000 человѣкъ. Такимъ образомъ, генералъ Стессель сражался послѣдовательно не менѣе, какъ съ 200.000 челов. Такую огромную армію удерживалъ Портъ-Артуръ въ теченіе семи мѣсяцевъ, препятствуя ей принять участіе въ операціяхъ противъ генерала Куропаткина.

Это слѣдуетъ всегда помнить при заключеніи счетовъ генерала Стесселя".

Такъ говоритъ иностранецъ, а обвинители и публицисты, набрасывающіеся съ жадностью на каждый непровѣренный слухъ, брошенный завистью въ генерала Стесселя, не могутъ открыть, хоть на мгновеніе, глаза на оборону этой крѣпости, и посмотрѣть, что сдѣлалъ онъ тамъ — этотъ затравленный ими, разбитый ударомъ, больной старикъ, еще бодрый, съ волей желѣзной въ Портъ-Артурѣ, и сломленный ими здѣсь. Не онъ ли стоялъ, борясь съ японцами и не понимавшими своихъ прямыхъ задачъ адмиралами, не онъ ли заставилъ укрѣпить, вопреки волѣ Коменданта, Угловую гору, не онъ ли

*) Отъ Александровскаго Комитета о раненыхъ генер. Стессель пенсію получаетъ.

приказалъ поднять на отвѣсныя скалы, на Ляотешанъ, орудія, и тѣмъ оградилъ крѣпость отъ бомбардировокъ, не онъ ли, каждое слово генерала Кондратенко поддерживалъ всею мощью своей власти.

Они требуютъ и ждутъ, съ нетерпѣніемъ, чтобы генералу Стесселю произнесли смертный приговоръ.

Имъ хочется увидѣть, какъ будутъ казнить человѣка, который не утвердилъ ни одной смертной казни, — который имѣлъ сожалѣніе къ тѣмъ самымъ врагамъ, которые его теперь топятъ. Но пусть скажутъ: съ кѣмъ свелъ онъ свои счеты, когда шелъ дальше угрозъ, чью жизнь загубилъ онъ,— въ чемъ превысилъ власть, дальше тѣхъ мелочей, о которыхъ говорится въ обвинительномъ актѣ—удаленіе брандмейстера, желаніе арестовать корреспондента, чтобы отобрать отъ него снимки съ фортовъ,—перемѣщеніе на полуостровъ Ляотешанъ жандармовъ, на тотъ полуостровъ, о которомъ г. Немировичъ-Данченко, только прибывшій въ Портъ-Артуръ и тотъ написалъ, что тамъ „китайскіе шпіоны, а можетъ быть и переодѣтые японцы, давали сигналы,—ночью—огнемъ, а днемъ, разсыпаясь и собираясь въ опредѣленныя фигуры (стр. 132 „На Войну. Отъ Петербурга до Портъ-Артура“).

Но враги генерала Стесселя ослѣплены злобой. Пусть не волнуются, не въ первый разъ міръ поражаетъ своей неблагодарностью. Путь къ кресту, тернистый путь, но никогда еще онъ не былъ путемъ позора.

Старый боевой генералъ сумѣетъ умереть спокойно,—и ему для оправданія не нужно грязныхъ рукъ.

Когда генералъ Стесселъ пріѣхалъ въ Россію, къ нему пришелъ тотъ самый Купчинскій, который написалъ такъ много грязи въ „Руси“, и предложилъ ему свои услуги для реабилитаціи генерала Стесселя отъ писаній Ножина. Генералъ, зная—что такое Купчинскій, приказалъ указать ему на дверь. Это было при свидѣтеляхъ.

Купчинскій ушелъ, произнося угрозы, говоря, что генералъ пожалѣетъ, что отказался отъ его услугъ, и вспомнитъ его. Предсказанія Купчинскаго наполовину оправдались, генералъ вспомнилъ Купчинскаго, вспомнилъ, но не пожалѣлъ, что не воспользовался его услугами... Настанетъ день, когда, если не при жизни генерала, то надъ его могилой проглянетъ солнце—и будутъ воспоминанія о генералѣ Стесселѣ достояніемъ исторіи,—съ гордостью будутъ вспоминать о подвигахъ гарнизона и о его доблестномъ вождѣ, который вѣрилъ до конца въ мощь русской силы, ждалъ выручки, приходилъ съ простымъ солдатомъ въ восторгъ отъ вѣсти о приближеніи нашихъ войскъ, принесенной китайцами, и не хотѣлъ вѣрить въ возможность нашего пораженія.

Раненые въ госпиталяхъ помнятъ, сколько радости вносилъ къ нимъ, при пріѣздѣ, генералъ, какъ умѣлъ онъ ободрить ихъ, внушить надежду... Настало время, когда нависли японскія тучи надъ городомъ,—и съ командныхъ вершинъ свинцо-

вый и чугунный дождь долженъ былъ политься на городъ. Гарнизонъ, въ которомъ большинство солдатъ по нѣсколько разъ были ранены, въ которомъ офицерскій составъ не уступалъ, а превышалъ по процентному отношенію раненыхъ, солдатскій, истомленный цынгою, готовъ былъ выпить послѣднюю смертную чашу...

Жители и больные ожидали смертнаго часа—безпощадной послѣдней рѣзни. Еще 14 декабря генералъ Стеcсель ободрялъ ихъ надеждою сообщивъ свѣдѣнія китайцевъ о близкой выручкѣ. Сообщеніе оказалось вымысломъ китайцевъ, а страшная дѣйствительность несла смерть, всѣмъ этимъ истомленнымъ, измученнымъ героямъ, этимъ истерзаннымъ ранами больнымъ, женщинамъ и дѣтямъ...

Генералъ Стесель зналъ, что не вымыселъ рѣзня, онъ прибылъ въ Портъ-Артуръ десять лѣтъ назадъ, когда японцы взяли Портъ-Артуръ у китайцевъ. Онъ помнитъ, какъ рыли братскую могилу на 10.000 труповъ, зарѣзанныхъ японцами раненыхъ, женщинъ и дѣтей. И онъ выслалъ парламентера...

Онъ зналъ, что онъ оборонялся 11 мѣсяцевъ, сдѣлалъ все, что только могъ совершить человѣкъ.

Но правду исказили его враги...

И вотъ три года неправда громоздится на неправду и, даже теперь, когда близится судъ, враги не умолкаютъ.

Пусть же кричатъ громче, чтобы заглушить слухъ всѣхъ къ голосу правды,—*вѣдь можетъ быть есть еще страданія, не испытанныя генераломъ Стесселемъ въ Портъ-Артурѣ и на родинѣ. Какже не дать ему выпить чашу до конца, когда такъ мало остается времени до суда...*

Но сколько бы новыхъ басенъ ни пустили въ міръ, сколько бы черныхъ красокъ не истратили бы, все же враги не могутъ сказать генералу Стесселю то, что онъ, спокойно, можетъ сказать своимъ врагамъ:

„Все худшее мое извѣстно міру,
Могу сказать, я лучше, чѣмъ слыву;
Но горе Вамъ, когда съ дѣяній Вашихъ
Молва сорветъ почетный плащъ.“

Артурецъ.

Опечатки:

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
7	8 снизу	преступить	преступной
8	8 сверху	о таковой у него имѣется	а таковой у него имѣется
10	1 сверху	гофгерихтсратъ	гофкригсрата
15	11 снизу	у меня японцы просидѣли мѣсяцъ во рву	у меня японцы просидѣли мѣсяцы во рву
16	13 сверху	флотъ сталъ зимовать въ Мадагаскарѣ	а флотъ сталъ зимовать въ Мадагаскарѣ